

1-го Июля № 13. 1864 года.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, въ 25 день апрѣля сего года, Всемилостивѣйше пожалованы орденами, по представленію Святѣйшаго Синода, за отлично-усердную службу: *Святаго Владимира 3-й степени*: одесскаго кафедральнаго Преображенскаго собора протоіерей *Іоаннъ Знаменскій*; *Святыя Анны 2-й степени*: протоіерей Одесской Греческой Троицкой ц. *Антоній Архириди* и тѣмъ же орденомъ *3-й степени*: протоіерей Покровской церкви, что при гимназій въ г. Николаевѣ, *Іоаннъ Остроумовъ*.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, генераль-адъютанту *Ахматову*, по случаю болѣзни, четырехъ-мѣсячный отпускъ за границу. Съ Высочайшаго соизволенія, на время его отсутствія, исполненіе обязанностей Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода передано товарищу его, Статсъ-Секретарю князю *Урусову*.

О правилахъ для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ. Составленный, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, проектъ основныхъ правилъ, для учрежденій православныхъ церковныхъ братствъ, внесенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію

на разсмотрѣніе комитета гг. министровъ. Государь Императоръ, согласно положенію комитета, въ 8-й день мая сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Православными церковными братствами именуются общества, составляющіяся изъ православныхъ лицъ разнаго званія и состоянія, для служенія нуждамъ и пользамъ православной церкви, для противодѣйствія посягательствамъ на ея права со стороны иновѣрцевъ и раскольниковъ, для созиданія и украшенія православныхъ храмовъ, для дѣлъ христіанской благотворительности и для распространенія и утвержденія духовнаго просвѣщенія. 2) Братства учреждаются при церквахъ и монастыряхъ, съ благословенія и утвержденія епархіальнаго архіерея. 3) Каждое братство имѣетъ свой уставъ и можетъ дѣйствовать не иначе, какъ на основаніи и въ предѣлахъ этаго устава. 4) При учрежденіи братствъ, въ составляемыхъ для нихъ уставахъ могутъ быть сохраняемы употреблявшіяся въ древнихъ церковныхъ братствахъ наименованія, правила и мѣстные обычаи. 5) Въ уставахъ братствъ могутъ быть излагаемы съ большею или меньшею подробностію, по желанію учредителей, цѣли учрежденія братствъ, обязанности, возлагаемыя на ихъ членовъ, условія, которымъ они подчиняются, и порядокъ исполненія или соблюденія этихъ обязанностей и условій. Но въ нихъ не можетъ быть постановляемо правилъ о такихъ взысканіяхъ или принудительныхъ мѣрахъ, которыя могли бы быть приводимы въ исполненіе не иначе, какъ съ содѣйствіемъ правительственной власти. Равнымъ образомъ не допускается причисленіе къ предметамъ вѣдомства или занятій братствъ такихъ дѣлъ, которыя выходили бы изъ круга дѣятельности, опредѣленнаго статьею 1-ю настоящихъ правилъ. 6) Желаящіе основать или возстановить братство обращаются съ просьбою

о томъ къ епархіальному архіерею и представляютъ проэктъ устава. Преосвященный, если найдетъ предположеніе правильнымъ, сообщаетъ проэктъ устава, для соображенія, въ гражданскомъ отношеніи, начальнику губерніи, и, по полученіи его отзыва, утверждаетъ уставъ и разрѣшаетъ открытіе братства.

Примѣчаніе. Уставы тѣхъ братствъ, кои были открыты до изданія настоящихъ правилъ, должны быть епархіальными начальствами сообщены для свѣдѣнія начальникамъ губерній. 7) Не допускается никакихъ отступленій отъ утвержденныхъ для братствъ правилъ. Если бы оказалось нужнымъ что-либо измѣнить или дополнить въ утвержденномъ уставѣ, то на измѣненіе и дополненіе испрашивается разрѣшеніе тѣмъ же порядкомъ, какъ на самый уставъ. (*Свв. Почта.*)

Святѣйшій Синодъ, согласно представленію епархіальнаго начальства о затруднительности замѣщенія праздныхъ причетническихъ мѣстъ въ единовѣрческихъ церквахъ бывшаго херсонскаго поселенія, разрѣшилъ производство штатнаго жалованья людямъ гражданскаго вѣдомства изъ мѣстныхъ прихожанъ, исправляющимъ при тѣхъ же церквахъ причетническія должности.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Херсонскаго поселенія, мѣстечка Ровнаго Николаевской ц, сверхштатный священникъ *Стефанъ Козачинскій* переведенъ на праздное священническое мѣсто Бобринецкаго уѣзда, въ мѣстечко Витязовку, къ Николаевской ц.

Студентъ Херсонской Семинаріи *Василій Клопотовъ* рукоположенъ во священника и опредѣленъ вторымъ священникомъ Бобринецкаго уѣзда, въ селеніе Константиновку, къ Николаевской ц. Смотритель Коцербской архіерейской дачи

іеромонахъ *Герасимъ*, согласно его прошенію, уволенъ отъ сей должности и опредѣленъ въ число братства Бизюкова Григоріевскаго монастыря, а на его мѣсто опредѣленъ іеромонахъ Одесскаго Успенскаго монастыря *Александръ*.

Временнообязанный крестьянинъ *Андрей Алексіенко* избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою на первое трехлѣтіе, Одесскаго уѣзда, селенія Барановой, при Богородичной ц.

Временнообязанный крестьянинъ *Исидоръ Малый* избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою, на первое трехлѣтіе, при Богородичной церкви, м. Бѣлозерки, Херсонскаго уѣзда.

Монахъ Одесскаго Успенскаго монастыря *Амеросій* уволенъ изъ Херсонской въ Пензенскую епархію.

Крестьянину Бобринецкаго уѣзда, села Алексѣевки, *Кириллу Жучку*, за побѣгомъ жены его *Татьяны*, дозволено вступить въ новое супружество съ безпрепятственнымъ лицомъ, а ей, *Татьянѣ*, если бы явилась изъ бѣговъ или отыскана была, опредѣлено оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи.

Крестьянину Херсонскаго уѣзда, деревни Анновки Космъ *Моспаненку*, за побѣгомъ жены его *Соломониды*, дозволено вступить въ новое супружество съ безпрепятственнымъ лицомъ, а ей, *Соломонидѣ*, если бы явилась изъ бѣговъ или поймана была, опредѣлено оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи.

Крестьянину Херсонскаго уѣзда, мѣстечка Ульяновки, *Стефану Головченку*, за побѣгомъ жены его *Іустиніи*, дозволено вступить въ новое супружество съ безпрепятственнымъ лицомъ, а находящейся въ безызвѣстной отлучкѣ женѣ его *Іустиніи*, если бы она отыскана была или сама

возвратилась изъ бѣговъ, опредѣлено оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи.

Крестьянкѣ Бобринецкаго уѣзда, деревни Петровой, *Елень Гречановой*, за ссылкой мужа ея *Петра Гречаного* въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, дозволено вступить во 2-й бракъ.

Поселянкѣ Бобринецкаго уѣзда, селенія Лысой Горы *Пелагея Беуэ*, за ссылкой мужа ея *Лукьяна Беуэ* въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, дозволено вступить во 2-й бракъ.

Женѣ младшаго писаря Елисаветградскаго уланскаго полка *Константина Данилова Стефанидь*, дозволено вступить въ новое супружество съ безпрепятственнымъ къ тому лицомъ, а писарю *Константину Данилову*, если бы пойманъ былъ или самъ возвратился изъ бѣговъ, опредѣлено оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи.

Отставному унтеръ-офицеру *Ивану Филипову*, за побѣгомъ жены его *Матроны*, дозволено вступить въ новое супружество съ безпрепятственнымъ къ тому лицомъ, а ей, *Матронь*, если бы явилась, или была отыскана, опредѣлено оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи.

Бобринецкаго уѣзда, м. Витязовки, Николаевской ц., священникъ *Павелъ Марковъ*, Анапиевскаго уѣзда, м. Вале-гоцуловой, Николаевской ц., священникъ *Іоаннъ Садовскій*, тогоже уѣзда, селенія Маріано-Чегодаровки, заштатный священникъ *Василій Широкинъ* и Бобринецкаго уѣзда, села Николаевки, Михайловской ц., діаконъ *Григорій Рей*, за смертію, исключены изъ списковъ.

III. ОБЪЯВЛЕНИЯ.

а) о пожертвованіяхъ.

На обновленіе Св.-Духовской церкви Александрійскаго уѣзда селенія Браиловки, пожертвовали: священникъ сей церкви *Теодоръ Малявинскій* 3 р.; церковный староста *Павелъ Бобенко* 2 р.; помѣщикъ *Имя Петьковичъ* 25 р.; волостный старшина *Петръ Мамай* 1 р.; сельскіе старосты *Савва Скрипниченко* 5 р.; *Иванъ Закотюра* 5 р.; временно-обязанные крестьяне: *Антонъ Бычевъ* 10 р.; *Иванъ Сидякъ* 10 р.; *Николай Курискій* 3 р.; *Кирилъ Лядскій* 1 р. 50 к.; *Михаилъ Мирошниченко* 50 к.; *Инатъ Рожко* 1 р.; *Савва Вакуленко* 1 р.; *Авксентій Куевда* 1 р. 50 к.; *Прокофій Панчукъ* 1 р.; *Аѳанасій Панчукъ* 1 р.; *Домникій Сиренко* 2 р.; *Иванъ Шаповалъ* 1 р.; *Тимовой Москаленко* 1 р.; *Иванъ Коржъ* 50 к.; *Маркъ Курискій* 50 к.; *Трофимъ Лядскій* 50 к.; *Григорій Сиренко* 50 к.; *Гаверіилъ Панчукъ* 50 к.; *Давидъ Драгуценко* 50 к.; *Матвѣй Бабенко* 50 к.; *Кирилъ Клядченко* 50 к.; *Лукьянъ Несміянъ* 50 к.; *Косьма Сиренко* 30 к.; *Петръ Панчукъ* 20 к.; *Прохоръ Драгуценко* 50 к.; *Василій Лядскій* 40 к.; *Теодоръ Радченко* 1 р.; *Іоаннъ Радченко* 1 р.; *Матвѣй Радченко* 1 р.; *Исидоръ Швець* 1 р. 50 к.; *Григорій Глюзъ* 30 к.; *Самуилъ Курискій* 30 к.; *Алексій Коваленко* 1 р.; *Василій Лапа* 1 р.; *Теоктистъ Сидякъ* 1 р.; *Алексій Бабенко* 1 р. 50 к.; *Антонъ Москаленко* 1 р.; *Андрей Бабенко* 1 р.; *Тома Литвинъ* 1 р.; *Григорій Иващенко* 1 р.; *Сергѣй Шаповалъ* 3 р.; *Иларіонъ Василенко* 1 р.; *Василій Польшко* 1 р.; *Теодоръ Еременко* 30 к.; *Никита Бабенко* 50 к.; *Савва Драгуценко* 50 к.; *Іоакимъ Бабенко* 50 к.; *Петръ Москаленко* 50 к., всего 110 р.

Прихожане Бобринецкаго уѣзда, селенія Аннинскаго, Предтечинской ц., на почингу приходскаго своего храма, пожертвовали 357 р.

б) О ВАКАНТНЫХЪ МѢСТАХЪ.

ПРАЗДНЫЯ МѢСТА.

Священническое: Ананіевскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Валегоцуловой, при Николаевской ц.

Диагонское: Бобринецкаго уѣзда, въ м. Ровномъ, при единовѣрческой Богородичной ц.

Дьячковскія и пономарскія мѣста праздны тѣже, которыя показаны въ № 12 Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ДУХОВНОЙ БЕСѢДЫ

«Духовная Бесѣда» выходитъ, съ тою же неизмѣнною точностію, и въ текущемъ 1864 году, каждую субботу, по два и по три листа въ каждомъ номерѣ, кромѣ приложеній.

Журналъ этотъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Въ первой помѣщаются статьи по всеѣмъ отраслямъ духовной науки и жизни. Вторая, подъ названіемъ Церковной Лѣтописи, заключаетъ въ себѣ пять отдѣловъ: синодальный, епархіальный, иностранный, библиографическій и смѣсь. Цѣна, съ пересылкою 4 р., безъ пересылки, 3 р. 50 копѣекъ.

Въ редакціи Духовной Бесѣды продаются слѣдующія книги:

1. Слова и Привѣтствія, высокопреосвященнаго *Иосифа*, митрополита Литовскаго и Виленскаго. Цѣна 50 коп.

2. Катихизическія бесѣды, протоіерея *Іоанна Яхонтова*. Три выпуска. Цѣна 2 р.

3. Краткое описаніе св. Земли, *его же*. Цѣна 25 коп.
4. Букетъ лилій, собраніе стихотвореній для дѣтей средняго возраста. Цѣна 25 коп.
5. Поученія къ воспитанницамъ Общества благодѣльныхъ дѣвицъ. Цѣна 25 коп.
6. Черты пѣз современной жизни русскаго народа, протоіер. *В. Полисадова*. Цѣна 25 коп.
7. Два письма о спиритизмѣ. Цѣна 25 коп.
8. Объясненіе панихиды, свящ. *В. Владиславлева*. Цѣна 15 к.
9. Объясненіе Полунощницы, *его же*. Цѣна 15 коп.
10. Объясненіе Богослуженія православной церкви, *его же*. 2 тома Цѣна 2 р. съ пересылкою.
11. Объясненіе Литургіи преждеосвященныхъ даровъ, *его же*. Цѣна 1 р. съ пересылкою.

Сверхъ того, можно въ той же редакціи получать :

1. Духовную Бесѣду за 1862 годъ. Цѣна за годовое изданіе 3 р. 50 к. безъ доставки и 4 р. съ доставкою. За тридцать два нумера этого года (съ 21 до 52), сброшюрованные въ два тома 2 руб. съ пересылк.

2. Духовную Бесѣду за 1863 годъ. Всѣ 52 нумера этого года переплетены въ три тома: въ 1-мъ томѣ 650 страницъ, во 2-мъ 724, въ 3-мъ 762. Цѣна 4 р. съ пересылкою.

3. Принимается подписка на Духовную Бесѣду и за 1864 годъ. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе нумера, съ двумя приложениями: 1) «Катихизическія Бесѣды о Символѣ Вѣры» и 2) «Письма къ отступнику Православія» книга въ 12 печатныхъ листовъ.

Адресоваться: въ С.-Петербургъ. Въ редакцію Духовной Бесѣды, въ квартирѣ протоіерея Ямской Крестовоздвиженской церкви, на Лиговкѣ.

Редакторъ протоіерей *И. Яхонтовъ*.

СЛОВО,

Пресвященнаго Софоніа Епископа Новомпргородскаго, сказанное,
ПРЕДЪ ВЕЧЕРНЕЮ ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

Господь Спаситель нашъ, предъ временемъ страданій, говорилъ своимъ ученикамъ: многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить. Когда же придетъ Онъ, Духъ истины: наставитъ васъ на всякую истину (Іоан. 16, 12).

Не многое ли надлежало бы и намъ — недостойнымъ служителямъ алтаря Христова, возвѣстить вамъ, братіе, о тѣхъ преславныхъ событіяхъ и чудесахъ, которыя совершила нѣкогда, въ день сей, десница Божія, во градъ Давидовъ? Не надлежало ли, хотя бы для того только, чтобы и намъ и вамъ *соутѣшиться общею* нашею *вѣрою* (Рим. 1, 12), — не надлежало ли наприм. вспомнать предъ вами о томъ огнеобразномъ сошествіи Св. Духа на Апостоловъ (Дѣян. 2, 17), коего свидѣтелями были не одни Іерусалимляне, но и многіе народы со всѣхъ концовъ вселенныя? — О томъ непостижимомъ, сверхъ-естественномъ озареніи свыше, въ слѣдствіе коего некнижные, худородные, робкіе Галилеане мгновенно превратились въ неустрашимыхъ проповѣдниковъ славы Распятаго, и стали славословить на разныхъ язы-

кахъ, и возносить хвалы Богу Вышнему? Не надлежали ли повѣдать о той непреборимой силѣ благодати, которая, воздѣйствовавъ въ сердцахъ пріившихъ ее, тысячами повлекла людей всякаго пола и возраста къ вѣрѣ во Иисуса Назорея, и наконецъ, о томъ неизчерпаемомъ обилии духовно-животворныхъ струй *воды живыя* (Іоан. 7, 38), которыя проторглись въ Сіонской горницѣ, и которыя, излившись оттолѣ двѣнадцатю протоками, потекли по всеѣмъ направленіямъ, чтобы оросить изсохшее отъ зноя грѣховнаго лице земли и напоить всеѣхъ жаждущихъ спасенія Божія.

Но уместно ли нестройнымъ словомъ восполнять то, что сладкозвучнымъ языкомъ церкви уже извѣстствовано въ пѣснопѣніяхъ нынѣшняго дня? Да и къ чему послужилобы теперь наше слово человѣческое, какое бы оно ни было, когда и мы и вы ожидаемъ *дыханія устенъ Вседержителевыхъ*, ожидаемъ Духа, могущаго *научить* (Іов. 33, 4) и умудрить всеѣхъ насъ во спасеніе? Что значимъ мы земные, слабые, привременные наставники предъ тѣмъ учителемъ святѣйшимъ, всемірнымъ, вѣчнымъ, коего и вы и мы чаемъ въ часъ сей? Можемъ ли мы что-либо сказать вамъ во спасеніе безъ Его содѣйствія, а вы принять отъ насъ безъ Его благодати, когда никто не можетъ и Господомъ назвать Иисуса (1 Кор. 12, 3), если Онъ благій и правый не снидетъ къ намъ, не *обновитъ* Своихъ дѣйствій въ утробахъ нашихъ и не *созиждетъ* въ насъ *сердца чистаго* (Псал. 50, 12)? Итакъ теперь не время обычныхъ разглагольствій и поученій отъ подобострастныхъ вамъ челоуѣковъ; теперь время сердечныхъ воздыханій и молитвъ, да исполнится и на насъ обѣтованіе Спасителя нашего о ниспосланіи Духа. Когда же пріидетъ Онъ, духъ истины, наставитъ и насъ и васъ на всяку истину.

Будемъ же, братіе, молиться ко Отцу, дабы Онъ ходатайствомъ Сына, послалъ къ намъ Духа. Будемъ молиться къ Сыну, чтобы Онъ умолилъ Отца и Своими заслугами открылъ въ сердцахъ нашихъ путь благодати Духа. Будемъ молиться къ Духу, чтобы Онъ всесвятый не возгнулся нашей немощи и нечистоты, чтобы, изшедъ отъ Отца, по заслугамъ Сына, осѣнилъ насъ Своимъ наитіемъ, очистилъ и освятить. Будемъ молиться къ Преславной, Пресвятой и Животворящей Троицѣ, да помилуетъ насъ грѣшныхъ и да спасеть души наша.

И вотъ св. церковь троекратно будетъ преклоняться предъ Отцемъ и Сыномъ, испрашивая благодать Пресвятаго Утѣшителя. О, братіе, преклонимся съ Нею и мы въ духѣ сокрушенія и смиренія, преклонимся и преклонимъ наши тѣlesa и души, сердца и помышленія. И если когда, то въ эту священнѣйшую минуту соединимъ всѣ наши души во единъ духъ о Христвъ Иисусѣ, и какъ бы едиными устами вознесемъ къ престолу благодати пламенную молитву, да Богъ и Отецъ Господа нашего подастъ и намъ Духа Своего.

СЛОВО

Преосвященнѣйшаго Софоніи Епископа Новомиргородскаго, Викарія
Херсонской Епархіи,

ВЪ НЕДѢЛЮ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

Тъмже убо и мы толкѣ имуще облежашъ насъ облакъ свидѣтелей. Слова Апостола Павла изъ посланія ко Евреямъ (12, 1).

Но что это за свидѣтели, коихъ св. Апостоль видить въ такомъ множествѣ, что уподобляетъ ихъ небесному облаку? Изъ описанія, какое даетъ имъ самъ же Благовѣстникъ вѣры Христовой, видно, что это суть люди, жившіе въ семъ мірѣ любогрѣховномъ, но побѣдившіе міръ съ его искушеніями вѣрою въ Искупителя. Это суть люди, подобные намъ во всемъ, имѣвшіе такую же природу, такія же склонности, такія же силы, или лучше, такое же безсиліе, но силою вѣры и благодати такъ возвысившіеся надъ немощами естества человѣческаго, что намъ лѣнивымъ и грѣшнымъ трудно не только подражать имъ, но и вѣрить. Это суть люди, изъ коихъ одни терпѣли за правду посмѣяніе и побои, узы и темницы; а другіе замучены были и умерли, будучи побиты камнями, заколоты мечемъ, распилены пилою. Это суть люди, жившіе на землѣ подобно странникамъ и пришельцамъ, ходившіе въ овечьихъ и козьихъ кожахъ, во всемъ терпѣвшіе лишенія и оскорбленія отъ міра, кото-

рый весь не стоилъ и одного изъ нихъ. Словомъ: это суть человѣки Божіи, праведники ветхозавѣтные, пребывшіе непоколебимо въ вѣрѣ и засвидѣтельствовавшіе свое вѣрованіе святою жизнію, а многіе и мученическою смертію.

Но въ настоящій день мы совершаемъ праздникъ въ честь и похвалу подвижниковъ благочестія, не ветхозавѣтныхъ только, но и новозавѣтныхъ, — въ честь всѣхъ святыхъ, до Христа и по Христѣ благоугодившихъ Богу и составляющихъ нынѣ небесную церковь. Итакъ, въ настоящее время, мы имѣемъ не облакъ только, а цѣлое небо свидѣтелей вѣры и благодати, коими истинные рабы Господни стяжали вѣнецъ славы въ обителяхъ наднебесныхъ.

Но для чего мы творимъ празднственную память о сихъ духахъ праведниковъ, уже достигшихъ совершенства (Евр. 12, 23) и блаженствующихъ предъ престоломъ Трїиностаснаго? Есть ли основаніе такъ ублажать ихъ и чествовать, тогда какъ они въ иномъ мірѣ и для насъ невидимы? — Есть, братіе, и весьма важное. Св. церковь, движимая непрерывнымъ дѣйствіемъ Духа Божія, ничего не учреждаетъ безъ премудрыхъ причинъ и цѣлей. И вотъ, она, богомудрая, узаконила воспоминать и чествовать всѣхъ праведниковъ, преселившихся въ вѣчность потому, что *праведники*, по слову Божію, *во вѣки живутъ* (Прем. 5, 15) не только на небѣ, но и на землѣ; потому что память ихъ пребываетъ въ родъ и родъ съ похвалами и среди благословеній, не только въ очахъ Божіихъ, но и предъ человѣками; потому что они будучи живымъ и богоосвященнымъ кивотомъ благодати во времени, содѣлались возлюбленнымъ *селеніемъ Славы* Божіей (Псал. 25, 8) на цѣлую вѣчность. Но сего недовольно.

Мы чествуемъ и ублажаемъ святыхъ Божіихъ, потому

что все они суть отцы и братія наши, по духу вѣры Христовой и по той любви, которою соединены съ нами неразрывно; ибо *любовь истинная николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 8). Богопрославляемые праведники, будучи одного съ нами естества, составляютъ одну съ нами церковь Господа Иисуса, у коей одно основаніе и одна глава, одинъ Богъ и одинъ Спаситель, однѣ средства спасенія и однѣ надежды спасаемыхъ. Такимъ образомъ, прославляемые Святые имѣютъ съ нами тѣсное и непрерывное, хотя и невидимое общеніе.

Мы призываемъ ихъ въ молитвахъ нашихъ, какъ споспѣшниковъ спасенія, какъ хранителей и утѣшителей въ обдержавшихъ насъ скорбяхъ и напастяхъ, какъ поборниковъ противу невидимыхъ адскихъ силъ, и дѣлаемъ это не втунѣ. Святые челоувѣки Божіи приемятъ наши мольбы, и соединяя ихъ своими молитвами, возносятъ оныя какъ чистый и благоуханный еиміамъ (Апок. 5, 8) къ престолу Вседержителя, умоляютъ за насъ Его благодать, утоляютъ правосудіе, такъ часто раздражаемое нашими неправдами и посылаютъ къ намъ милость и *благодать отъ Сущаго и Иже бѣ и Грядущаго* (Апок. 1, 4). Будучи въ царствіи Божіемъ, они *пріяли уже царствіе благолюбія и вѣнецъ доброты отъ руки Господни* (Прем. 5, 16), но по духу смиренія не престають слагать съ себя *вѣнцы царствія и полагать ихъ предъ престоломъ* Агнца (Апок. 4, 10. 11. 5, 11. — 14), ходатайствуя предъ Нимъ, какъ *Ходатаемъ Бога и челоувѣковъ* (1 Тим. 2, 5), да милостивъ будетъ къ намъ грѣшнымъ, увлекаемымъ въ бездну погибели и суетою міра и порывами страстей и искушеніями лукаваго.

И не имѣемъ ли мы предъ глазами многочисленныхъ опытовъ, не говорю, невидимаго, но и видимаго заступленія о насъ Святыхъ? Прочтите въ простотѣ и незлобіи сердца

жизнеописанія ихъ, перенеситесь мысленно къ ихъ нетлѣннымъ останкамъ, въ коихъ благодать Божія до нынѣ обитаетъ такъ осязательно, всмотритесь пристальнѣе очами вѣры въ исторію собственной вашей жизни, и вы увидите, какъ благостыня небесная милуетъ насъ недостойныхъ по молитвамъ Угодниковъ Божіихъ, — увидите, что они не только предстательствуютъ о насъ молитвенно, но и являются чудодѣйственно однимъ изъ насъ для укрѣпленія въ вѣрѣ и благочестіи, другимъ — для устрашенія прещеніемъ суда Божія, здѣсь, для избавленія отъ внезапныя смерти, а тамъ, для воспринятія праведныхъ душъ на небо, въ селенія райскія.

Если же Святые Божіи, не смотря ни на высоту духовнаго ихъ совершенства и святости, ни на видимое отдаленіе (отъ насъ, не престають приизирать на насъ кичливыхъ и суетныхъ окомъ благоутробія, и спасать насъ своими молитвами и ходатайствомъ: то мы ли, братіе, не будемъ чувствовать и прославлять память ихъ въ родъ и родъ, тѣмъ паче, что, прославляя ихъ, мы прославляемъ Бога, дивнаго во Святыхъ Своихъ?

Прильпни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тебе (Пс. 136, 6), взывалъ нѣкогда древній Израиль къ земному Иерусалиму. Не тѣмъ ли паче да прильпнетъ языкъ нашъ къ гортани нашему, аще мы, новый Израиль, не будемъ вспоминать и радоваться о тебѣ, Иерусалиме горній, *церковь первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ* (Евр. 12, 23)?

Итакъ, братія моя, достойно и праведно мы творимъ память угодниковъ Божіихъ. Они суть други Божіи и други наши; они суть споспѣшники намъ въ дѣлѣ спасенія, они избавляютъ насъ отъ злключеній, спасаютъ среди искуше

ній и низводятъ на насъ своими молитвами многоразличную благодать, и миръ, и благословеніе Божіе.

Но для чего мы совокупаемъ празднованіе всѣхъ Святыхъ во едино? Правда, мы празднуемъ въ честь ихъ и порознь, такъ что нѣтъ дня въ году, который бы не былъ посвященъ воспоминанію и прославленію жизни и подвиговъ какого либо угодника Божія. За всѣмъ тѣмъ, св. церковь со временъ благочестиваго Льва, царя приснопамятнаго и премудраго, заповѣдала совершать празднество и совокупно всѣмъ Святымъ, и въ причину сего приводитъ то, что «многіе благоугодили Богу своею добродѣтельною жизнію и между тѣмъ, по разнымъ причинамъ, неизвѣстны людямъ. Въ слѣдствіе сего, частію по неизвѣстности, а частію по великому множеству, невозможно всѣмъ имъ воздать надлежащую почесть, якоже церковный обычай пріять*)».

И дѣйствительно, не всѣ угодники Божіи, подвизавшіеся на землѣ за имя Христово и стяжавшіе вѣнецъ славы и безсмертія въ небѣ, извѣстны земной церкви. Единъ *Господь знаетъ сущія своя* (2 Тим. 2, 29). Онъ единъ знаетъ то безчисленное *святое сѣмя*, которое, будучи разсѣяно по лицу міра, составляетъ *стояніе его* (Исаи 6, 13),—то неизчетное *множество премудрыхъ*, коихъ Духъ Божій умудряетъ во *спасеніе* свое и другихъ (Прем. 6, 26), тѣхъ *преподобныхъ* и *святыхъ*, коихъ *пути* хотя и *святятся подобны свѣту* (Притч. 4, 18), однакоже остаются въ неизвѣстности, или отъ сгущающагося мрака неправдъ человѣческихъ, или отъ того, что *Отецъ небесный* хочетъ творящимъ здѣсь волю Его *въ тайнѣ*, *воздать явь* (Матѣ. 6, 18) тамъ, гдѣ уготована имъ *мзда*. Посему, учредивъ празд-

*) Синаксарь на недѣлю всѣхъ Святыхъ.

никъ въ честь всѣхъ Святыхъ, церковь Христова, въ чувствахъ благодаренія, имѣла въ виду то, чтобъ не оставить кого либо изъ вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ, заступниковъ и молитвенниковъ нашихъ безъ подобающаго чествованія. Для сего-то она и воспѣваетъ ихъ нынѣ не по имянно, а совокупляя въ многочисленные лики,—ублажаетъ не порознь каждаго, а прославляетъ всѣхъ вообще. Празднуемъ нынѣ вся, говоритъ сама церковь,—вся, елика благодатно освяти Духъ Святой: Праотцы и Патріархи, Пророки и Апостолы: Мученики и Священноначальники, Преподобномученики и Преподобныя и вся святыхъ женъ ликованія, и иныя вся безлимянныя святыя».

Но живописуя предъ очами вѣры нашей эти многоразличные сонмы Святыхъ Божіихъ, св. церковь имѣетъ въ виду и другую цѣль,—цѣль прикровенную, но гораздо высшую и для насъ важнѣйшую. Совокупляя какъ бы въ одну богосвѣтлую картину всѣ безчисленные лики Святыхъ,—сихъ земныхъ ангеловъ и небесныхъ челоуѣковъ, она хочетъ чрезъ то показать намъ силу и дѣйствительность благодатнаго смотрѣнія, или домостроительства Божія о нашемъ спасеніи,—домостроительства, которое теперь, съ пришествіемъ въ міръ Утѣшителя, совершилось окончательно, и которое ни въ какомъ случаѣ не могло остаться, не говорю бесплоднымъ, но и малопродуктивнымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, если дѣло спасенія нашего принялъ на Себя самъ Богъ тріединный; если Отецъ небесный,—всеблагій и всемогущій, по благоутробному милосердію Своему Самъ восхотѣлъ возстановить падшее челоуѣчество и возвести его въ первое достояніе; если взялъ на Себя выполнение этой воли отчей Самъ Сынъ Божій,—*Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24), и выполняя оную,

умалилъ и смирилъ себе даже до крестной смерти (Филиппис. 2, 7. 8); если Духъ Божій, Духъ благій, правый, умный, источникъ благодѣтели и освященія, самъ споручилъ обитать въ насъ и дѣйствовать, возражая и освящая наше естество: то можно ли и думать, чтобы такое неизречно-благое и премудрое смотрѣніе Божіе о насъ грѣшныхъ, такая высокая тайна, въ которую самые Херувимы принимаютъ съ благоговѣйнымъ изумленіемъ и ужасомъ (1 Петр. 1, 12), такое безмѣрное сочетаніе премудрости съ благодію осталось малопродуктивнымъ и малодейственнымъ?

Св. откровеніе говоритъ, что во дни пророка Іліи, не смотря на то, что развратъ и нечестіе ходили съ откровенною главою по стогнамъ града Божія, — всевидящее око видѣло во Израили до семи тысячъ истинныхъ рабовъ Божіихъ, непреклонныхъ колѣнъ и сердець предъ вааломъ (3 цар. 19 18). Что же сказать о всемъ времени стоянія на землѣ церкви Божіей, когда благій Зиждитель міра и церкви не престававалъ Самъ воспитывать избранныхъ Своихъ въ духѣ вѣры и святости, путеводствуя имъ съ земли на небо закономъ, охраняя Ангелами, утѣшая обѣтованіями, устрашая прещеніями, укрѣпляя благодатію? Вседержитель чего не дѣлалъ, чтобы *содѣлать* и водворить *спасеніе посреди земли* (Псал. 73, 12)? И всемогущая десница, дѣйствуя подъ вліяніемъ премудрости и благодати, умѣетъ достигать цѣли своей, не смотря ни на противленіе князя тьмы, ни на упорство и ожесточеніе сыновъ погибельныхъ.

И посмотрите, лишь только Сынъ Божій окончилъ Свое дѣло на землѣ и возшелъ на небо, лишь только Духъ Святой пріосѣнилъ и оросилъ лице вселенныя, *излившись* на Апостоловъ, а чрезъ нихъ и *на всяку плоть*, — посмотрите, какія по всюду открылись необозримыя нивы душъ

и сердцеъ обратившихся къ Господу? Пустыни Заіорданскія, степи Ливійскія, востокъ и западъ, югъ и сѣверъ, — все огласилось именемъ, *о немъже подобаетъ спастися* (Дѣян. 11, 12); — веси и грады, суша и море, — все наполнилось вѣдѣнія и славы Распятаго, и церковь языческая — эта огромная, неплодящая пустыня, процвѣла подь сѣнію креста, какъ кринь Божій.

Такая то бездна благодати Духа проторглась и истекла на родъ человѣческій въ слѣдствіе заслугъ Господа Іисуса, Спасителя всѣхъ человѣковъ! Она равняется только неизслѣдной безднѣ благодати *Отца щедротѣ и Бога всякія утѣхи* (2 Кор. 1, 3), — только необъятному величію жертвы, принѣсенной правосудію на голгоетскомъ жертвенникѣ. Но эта бездна *благодати, явленной*, какъ говоритъ св. Павелъ, *благодатию на насъ о Христвъ Іисусъ* (Евр. 2, 7), не могла бы открыться предъ нами въ подобающемъ свѣтѣ, если бы мы не видѣли въ совокупности всего множества спасенныхъ, коиъ *Богъ, богатъ сый въ милости, сооживилъ Христомъ*, уже *посадила съ Нимъ на небесныхъ престолахъ* (Еф. 2, 4, 6). И вотъ почему, повторимъ еще, являются намъ нынѣ святые Божіи уже не въ отдѣльныхъ личностяхъ, не въ единицахъ, а цѣлыми сонмами, и наконецъ какъ бы въ общемъ, хотя и неопредѣленномъ итогѣ. И чѣмъ безчисленнѣе этотъ итогъ, тѣмъ необъятнѣе открывается предъ нами сила заслугъ Спасителя и сила благодати спасающей. А такое явленіе силы Божіей какъ важно для насъ немощныхъ и грѣшныхъ! Оно во всякомъ случаѣ можетъ служить для насъ одушевленіемъ и ободреніемъ на многотрудномъ поприщѣ спасенія. При такомъ множествѣ спасенныхъ, и мы, не смотря на свои немощи и паденія, не

безъ дерзновенія можемъ *хвалиться упованіемъ славы Божіей*; ибо *впроу* въ Искупителя и мы *обръли доступъ* къ той же *благодати*, въ коей стояли всѣ угодники Божіи (Рим. 5, 2).

Но укрѣпляя въ насъ надежду спасенія, воспоминаніе о блаженныхъ ликахъ Святыхъ, служить для насъ и побужденіемъ къ неослабному терпѣнію и самоотверженію. Святые Божіи блаженствуютъ въ свѣтломъ дому Отца небеснаго, но блаженствуютъ не даромъ. Вкушеніе мира и радостей неземныхъ есть ихъ награда и воздаяніе за ихъ труды и подвиги, за то, что, презрѣвъ міръ съ его благами, они неуклонно *текли къ почести званія вышняю* (Филип. 3, 14). Такимъ образомъ и мы, братіе, если хотимъ наследовать спасеніе, преселиться на небо и блаженствовать среди лигостояній Святыхъ, и мы должны жить свято и непорочно, по *завшему ны святому* (1* Петр. 1, 15). «Въ многообразныхъ сонмахъ Святыхъ мы видимъ осуществленными всѣ добродѣтели: пусть же жаждый изъ насъ подвизается», говоритъ св. Григорій Богословъ, «одинъ въ такой (основной) добродѣтели, другой—въ другой, иной во многихъ, а кто можетъ, и во всѣхъ; только каждый да шествуетъ (къ царствію) безостановочно». Ибо «каждая изъ добродѣтелей есть особливый путь ко спасенію и несомнѣнно приводитъ къ одной какой либо изъ вѣчныхъ и блаженныхъ обителей» (Твор. Св. Отц. ч. II Сл. 14 стр. 5). Самое обиліе благодати Божіей не освобождаетъ насъ отъ обязательства жить добродѣтельно и непорочно. Благодать Божія умножаетъ въ насъ силу свою, но не для того, чтобы мы умножали въ себѣ грѣхъ. Благодать Божія спасительна всѣмъ человѣкамъ, но неспасаетъ никого противу воли; она всеильна, но

не насильствена. *Царствіе небесное*, и при содѣйствіи благодати, *нудится* (Матѣ. 11, 12), и тѣ только восхищаются оною, кои препобѣждая всякое грѣховное искушеніе, текутъ по пути къ царствію съ усиленіемъ и терпѣніемъ.

Посему - то и св. Павелъ, упомянувъ объ облагѣ свидѣтелей благодати и спасенія, присовокупляетъ: *гордость всяку отложше и удобь обстоятельный грѣхъ, терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ. Аминь.*

РАЗСКАЗЪ

одного образованнаго еврея (Ратисбона) о своемъ обращеніи
въ христіанство *).

Минувшая жизнь моя представляется мнѣ тяжелымъ сновидѣніемъ; съ трудомъ я припоминаю главныя событія ея.

Принадлежа къ древней фамиліи, пользовавшейся извѣстностію среди евреевъ провинціи, я былъ воспитанъ, если не религіозно, то по крайней мѣрѣ въ духѣ преданій и нравовъ іудейскихъ. Благочестивая мать своею жизнію давала мнѣ лучшіе уроки нравственности; а догматическое ученіе, преподанное мнѣ, внушало въру въ единаго Бога и ожиданіе Мессіи, который долженъ будетъ возвратить народъ нашъ въ землю обѣтованную. Въ дѣтской простотѣ моей я подлинно ожидалъ этого Мессію; но послѣ, не по-

*) Разсказъ этотъ заимствованъ изъ книги Ботэня: Philosophie du Christianisme. Объ этой книгѣ сдѣлано слѣдующее замѣчаніе въ № 46 Духовной Бесѣды за 1863 годъ: «Книга эта сдѣлалась теперь почти рѣдкостію; потому что имѣла несчастье, при всѣхъ своихъ рѣдкихъ достоинствахъ, подвергнуться неодобренію римской курии, такъ что авторъ долженъ былъ самъ отправиться въ Римъ, чтобы принести оправданіе предъ цензурнымъ судилищемъ». Предлагаемый нами разсказъ, кромѣ религіозно-психологическаго интереса, весьма назидателенъ не для однихъ евреевъ, но и для всѣхъ молодыхъ и старыхъ людей, находящихся въ душевныхъ состояніяхъ подобныхъ тѣмъ, какія пережилъ г. Ратисбонъ.

нимая, за чѣмъ Ему слѣдуетъ быть, и за чѣмъ Онъ медлилъ, притомъ довольствуясь условіями моей жизни, я терялъ вѣру въ этотъ догматъ.

Возрастая умственно, я скоро замѣтилъ, какъ мало Синагога сохранила свое достоинство и какъ мало она могла сообщить его своимъ ученикамъ. Она вызывала во мнѣ критику и сарказмъ. Скоро названіе жида заставило меня краснѣть, и я отсталъ отъ собратій моихъ единовѣрцевъ. Отецъ меня не стѣснялъ; и самъ онъ, будучи президентомъ общества, навѣщалъ собранія только по случаю особенныхъ торжествъ.

Первая половина молодого возраста моего была охранена особеннымъ Промысломъ Божиимъ отъ бурь страстей. Какое-то инстинктивное чувство добра спасало меня отъ увлеченій юности; оно поддерживалось во мнѣ словомъ и примѣромъ нѣжно любимой матери моей. Одна мысль о ней была защита отъ зла. Мнѣ было 16 лѣтъ, когда я лишился ея и, живя въ одномъ изъ главныхъ коммерческихъ домовъ Парижа, на свободѣ, безъ всякаго присмотра, я нѣсколько лѣтъ чуждался общественныхъ увеселеній и опасностей, ими причиняемыхъ; до того была сильна и неодолима во мнѣ скорбь по матери. Эта скорбь въ самой глубинѣ моего сердца много содѣйствовала развитію во мнѣ серіознаго настроенія. Впослѣдствіи, находясь, по необходимости, на праздникахъ, зрѣлищахъ, слушая музыку, я чувствовалъ грусть до слезъ. О, какъ спасительно было мнѣ услышать тогда слово Божіе!... Во мнѣ явилась потребность любить, — и я сильно привязывался къ товарищамъ, къ учителямъ, ко всѣмъ, съ которыми жила, прося любви, сочувствія, хотя самъ мало понималъ себя. Мнѣ былъ 19-й годъ, а жизнь моя исчезла въ какомъ-то грустно-романтическомъ расслабленіи духа. Я

охотнѣе проводилъ время въ деревнѣ, нежели въ Парижѣ, любилъ уединеніе, предавался мечтамъ о Богѣ, о религіи, о чемъ-то неопредѣленномъ, къ которому стремилась душа моя. Я желалъ быть набожнымъ, но не зналъ, что такое набожность: я не понималъ молитвы. Я не зналъ ни одного человѣка, ни одной книги, которые рѣшили бы мои вопросы о вѣчности отъ учителей христіанства я бѣжалъ бы съ ужасомъ; потому что я считалъ христіанство идолопоклонствомъ, да и синагога внушала мнѣ отвращеніе отъ него. Синагога становилась преградой между Богомъ и мною.

Однако отецъ вызвалъ меня въ Страсбургъ и требовалъ моего содѣйствія по дѣламъ коммерческаго банка, который, по смерти его, долженъ былъ перейти въ мои руки. Мнѣ интересно было слѣдить за многочисленными отраслями коммерческихъ оборотовъ, вникать въ обширную переписку: но самая цѣль коммерціи мало озабочивала меня; я былъ равнодушенъ къ выгодамъ и потерѣ коммерціи; никогда я не дорожилъ деньгами. Но я началъ въ это время искать общества, развлеченій, поѣздокъ. Только что минуло мнѣ 20 лѣтъ, какъ меня уже преслѣдовали предложеніемъ женитьбы. Я не противился мысли жениться. Супружеская жизнь мнѣ казалась тогда болѣе всего согласною съ истиннымъ достоинствомъ человѣка. При томъ я думалъ найти для себя мать въ новопріобрѣтленномъ родствѣ; а имя матери для меня всегда было символомъ самаго нѣжнаго и отраднаго чувства. Однако я рѣшился прежде ознакомиться съ свѣтомъ и на нѣкоторое время предался его удовольствіямъ. Тогда пробудилось въ душѣ моей что-то таинственное. Жизнь моя была безъ всякаго религіознаго основанія. Я не имѣлъ стремленія ни къ злу, ни къ добру; но часто самъ себѣ говаривалъ: «мнѣ 20 лѣтъ, и я не знаю, зачѣмъ я живу на свѣтѣ?»

Что такое жизнь? Для чего поставленъ я здѣсь, на этой землѣ?» Эти вопросы рождали тысячу другихъ вопросовъ; наконецъ они совершенно овладѣли моею душою.

Должна же, думалъ я, существовать гдѣ либо такая школа, такое свѣтилище, гдѣ раскроются для меня тайны и временныя и вѣчныя. Я услышалъ о тайныхъ обществахъ, старался присоединиться къ нимъ, предался ихъ водительство со всею ревностію неопита; но ни единый голосъ не рѣшилъ моихъ вопросовъ, не отвѣтилъ моимъ надеждамъ.

Я прочелъ Руссо, и съ жадностію усвоилъ безъ отчета все мнѣнія, все парадоксы этого педагога-волшебника. Не довольствуясь однимъ знаніемъ ученыхъ теорій, я хотѣлъ приложить ихъ къ жизни. Въ добромъ смыслѣ, такъ же какъ и въ дурномъ, я готовъ былъ на все послѣдствія принята мною направленія. Думая найти въ философіи ключъ ко всемъ моимъ недоумѣніямъ, я обложилъ себя хваленными тогда книгами, читалъ Локка, Вольтера, Вольтей и все, что XVIII вѣкъ породилъ самаго плѣнительнаго и самаго уродливаго. О, какъ тяжело воспоминаніе объ этомъ! Какъ я былъ далекъ тогда отъ стези, на которую, помимо моего сознанія, направляло меня Провидѣніе! Не безъ труда получивъ отъ отца дозволеніе свободно предаться наукамъ, я оставилъ все дѣла и забавы, заперся въ отдѣльную часть дома, приучалъ себя къ жизни философа, вмѣстѣ съ Руссо возненавидѣлъ свѣтъ, спалъ и ѣлъ только въ мѣру крайней потребности, потому что хотѣлъ обуздать тѣло, какъ невольника, самъ не понимая за что. Наконецъ, совершивъ полный разрывъ съ людьми моего возраста, я питалъ въ себѣ одно желаніе — рѣшить загадку и цѣль моего бытія. Но увы! желаніе не удовлетворялось: ибо руководителями моими въ этомъ дѣлѣ были мой собственный, еще неуста-

новившійся и бродившій разсудокъ и нѣсколько дурныхъ книгъ. Я жадно читалъ, или бродилъ за городомъ; не разъ встрѣчалъ я восхожденіе солнца послѣ того, какъ всю ночь проводилъ безъ сна, вопрошая безмолвную природу, вопрошая звѣзды и глубь мрака. Я наскучилъ самъ себѣ; наскучили мнѣ всѣ теоріи. Размышляя безпрерывно о причинахъ зла и добра, о всемогуществѣ и безсиліи Божіемъ, о тайнахъ вселенной, я дошелъ, если не до безбожія, то до крайняго скептицизма. Изъ всѣхъ моихъ размышленій выходило то, что Богъ нѣмъ и глухъ; я не могъ вѣровать въ Него. Жизнь меня тяготила; общество казалось мнѣ позорнымъ игралищемъ случайностей и страстей. Вмѣстѣ съ Руссо я предался ропоту, съ Вольтэромъ предался смѣху: это былъ смѣхъ сатанинскій! Къ большому несчастію, люди, слывшіе учеными, еще болѣе утвердили меня въ моемъ разрушительномъ невѣріи. (Одинъ изъ нихъ былъ священникомъ, какъ я узналъ это позже). Они привѣтствовали и ободряли меня, и своими язвительными насмѣшками увеличивали предубѣжденіе и отвращеніе, посѣянное во мнѣ съ дѣтства, къ христіанскому вѣроисповѣданію.

Событія эти я излагаю для того, чтобы показать, какъ глубоко я былъ низверженъ. Въ одно время тяжкаго внутренняго страданія, во мнѣ проснулось влеченіе къ Богу дѣтства моего, и я воскликнулъ съ чувствомъ душевнаго прискорбія: «Боже, если Ты существуешь, то яви мнѣ истину, — и я клянусь посвятить ей жизнь свою!» Это меня успокоило.

Я рѣшился переѣхать въ Парижъ, чтобы слушать тамъ юридическій курсъ. . . Но скоро я возвратился въ Страсбургъ. Наступило время особеннаго водительства Промысла Божія. Одинъ молодой человекъ предложилъ мнѣ слушать особен-

ный курсъ философіи, преподаваемый г. Ботэнемъ. О г. Ботэнь я слышалъ, но не былъ съ нимъ знакомъ. Не знакомъ мнѣ былъ и молодой человѣкъ, сдѣлавшій мнѣ предложеніе; не зналъ я, что и онъ еврей, не предполагалъ, что скоро онъ сдѣлается моимъ другомъ, братомъ во Христвъ, сослуживцемъ въ священствѣ. Это былъ г. Юлій Левель, тогда студентъ юридическаго факультета. Я съ охотою согласился на предложеніе; философія оставалась единственною моею надеждою. Что касается религіи, то я по прежнему чувствовалъ къ ней отвращеніе и страшился своей, такъ какъ всѣхъ прочихъ.

Мы начали курсъ философіи у г. Ботэня въ 1823 г. Насъ было четверо: православный русскій, католикъ ирландецъ и два еврея. Всѣ четверо мы съ наслажденіемъ вслушивались въ простую, но вразумительную и живую рѣчь обильно изливающуюся изъ глубины сердца нашего преподавателя. Это не было простое ученіе, но истинное посвященіе въ тайны природы и человѣка. Съ удивленіемъ, съ восторгомъ слѣдили мы за раскрытіемъ этой всемірной истины, почерпнутой учителемъ изъ живаго источника Свящ. Писанія, откуда слово его брало силу, достоинство и могущество. Ученіе это служило не къ одному просвѣщенію нашихъ умственныхъ способностей; оно согрѣвало сердце, двигало волю, растопляло сковавшій душу ледъ; однимъ словомъ, христіанское вліяніе наступало на меня со всѣхъ сторонъ, и помимо сознанія, ибо я не имѣлъ бы твердости стать къ нему лицомъ къ лицу.

Поездка въ Швейцарію и Испанію въ концѣ этого курса дала мнѣ случай открыть переписку съ моимъ преподавателемъ, и съ этого времени связь моя съ нимъ стала короче, сношенія задушевнѣе.

Путь къ истинѣ былъ для меня проложенъ. Она становилась мнѣ доступною, какъ бываетъ доступенъ свѣтъ, какъ скоро мы обращаемся къ нему. Мнѣ казалось, что истину я ощущалъ въ самомъ себѣ, внѣ себя, вокругъ себя. Я не понималъ нерадѣнія людей, вѣрующихъ въ истину, и, подобно дѣтямъ, забавляющихся на всемірной сценѣ, и забывающихъ, что жизнь есть путь, шествіе, восхождение къ великой, вѣчнаемой славою, цѣли.

Но какъ изобразить то, чего стоило мнѣ преодолѣть всѣ предубѣжденія, всѣ воспоминанія дѣтства и непріязненное чувство мое къ христіанству? Не возстаніе разума я долженъ былъ покорить; оставалось мнѣ успокоить смущенную іудейскую совѣсть мою. Христіанство утвердилось въ глубинѣ моего сердца прежде, нежели успѣло освѣтить разумъ; отъ этого возникала частая внутренняя борьба, предшествовавшая страшнымъ нападеніямъ, ожидавшимъ меня извнѣ, отъ семейства и общества.

Странно! я вѣровалъ уже во І. Христа, а не рѣшался произносить имени Его, — до того глубоко и неизлечимо въ Израильтянахъ отвращеніе отъ этого святѣйшаго имени!.. Случай обнаружилъ вѣру мою во Христа Спасителя. Бывши въ Швейцаріи, я сильно занемогъ; болѣзненное воображеніе мое представляло мнѣ внезапную кончину; умъ мой былъ отуманенъ сомнѣніями и, ожидая рѣшенія земной судьбы моей, я не зналъ, къ какому Богу прибѣгнуть. Вся душа моя была въ сильномъ волненіи; можно было сравнить ее съ полемъ сраженія, на которомъ прежнее и раждающееся во мнѣ вѣроисповѣданія поражали другъ друга. Я не смѣлъ молиться: призывая Бога, исповѣдуемаго христіанами, я боялся оскорбить Бога Авраамова. Мракъ былъ ужасенъ, но свѣтъ благодати восторжествовалъ. Имя Іисуса Христа

вылетало изъ устъ моихъ, какъ вопль отчаянія. Это было вечеромъ. На другой день лихорадка прекратилась, и я чувствовала себя такъ хорошо, что могъ ѣхать. Съ этого дня я съ умилениемъ сталъ произносить имя Иисуса Христа; я прибѣгала къ Нему съ молитвою; я призывала Св. Дѣву Марію, называла Ее матерью своею. Святое крещеніе становилось для меня потребностію, но общественное положеніе мое требовало большой осторожности. Мой отецъ желалъ, чтобы я управлялъ еврейскими школами консисторіи. Трудно было для меня принять должность, ставившую меня въ близкое отношеніе къ тому, что было для меня самаго ненавистнаго въ синагогѣ. Но одобреніе моего преподавателя, надежда на счастливый успѣхъ, а болѣе всего потребность души моей подѣлиться съ другими благами христіанскаго просвѣщенія побудили меня взять на себя этотъ подвигъ милосердія; — и я посвятилъ себя ему совершенно. Юридическое образованіе мое было окончено; меня приняли адвокатомъ при Кольмарскомъ судѣ. Но зная, что одно тщеславіе и честолюбіе побуждали меня предпринять юридическое образованіе, я нашелъ лучшимъ бросить службу въ судѣ такъ же, какъ и прежде отказался отъ промышленности, — и посвятилъ себя изученію естественныхъ и медицинскихъ наукъ. Ко мнѣ присоединились и двое моихъ друзей. Мы намѣревались со временемъ заниматься практикой безъ вознагражденія, желая принести свои познанія въ пользу бѣдныхъ. Всѣ мы имѣли еще неопредѣленное желаніе совершать добро и посвятить себя спасительнымъ подвигамъ любви христіанской; но никто изъ насъ не имѣлъ предчувствія того высшаго призванія, къ которому, помимо нашего сознанія, уготовлялъ насъ Господь Богъ.

Я почти исключительно занятъ былъ еврейскими шко-

лами. Успѣхъ оказался выше нашихъ ожиданій, и мои труды въ обществѣ еврейскомъ пріобрѣтали силу неоспариваемой власти. Всѣ вновь устроенныя нами заведенія были подъ особеннымъ благословеніемъ Божиимъ: все удавалось, все процвѣтало и прежнія школы перераждались. Мы преподавали въ нихъ сами. Каждую субботу мы проповѣдывали евреямъ, толпившимся вокругъ насъ, чтобы услышать слово истины. Нами основаны были общество поощренія трудящихся и общество для воспитанія дѣвицъ. Однимъ словомъ, синагога, получивъ христіански-нравственное направленіе, покаялась нашимъ внушеніямъ съ рѣдкою въ исторіи народа еврейскаго признательностію. Къ намъ питали полное довѣріе, восхваляли наше самоотверженіе; а того не знали, что оно было бы для насъ не возможно, если бы вѣра христіанская не возрастала въ сердцахъ нашихъ! Почитатели наши не понимали, какія чудныя дѣйствія производитъ въ челоуѣкѣ вѣра во Христа Спасителя, и не подозрѣвали существованія благодати Божіей, охраняющей насъ отъ унынія въ трудностяхъ и отъ превозношенія въ успѣхахъ.

И такъ предпринятый нами трудъ совершался съ большимъ и большимъ успѣхомъ; но и вѣра наша созрѣвала и все сильнѣе внушала намъ потребность сдѣлаться причастниками Богослуженія истинно-живой религіи. Намъ больно было не объявлять себя до времени христіанами и, по причинѣ особеннаго положенія своего въ обществѣ, быть обязанными удерживать развитіе нашей вѣры, требовавшей пищи и свободнаго, открытаго проявленія. О, какъ пламенно желалъ я быть христіаниномъ; какъ трепеталъ отъ радости, когда удавалось мнѣ украдкой присутствовать при Богослуженіи христіанскомъ! Я никогда не забуду того умиленнаго чувства, которое испыталъ я, когда въ первый разъ

случилось быть мнѣ у обѣдни въ праздничный день, когда слышалъ церковное пѣніе, когда изъ отдаленнаго мѣста, гдѣ я прислонился, увидѣлъ священника, воздвигавшаго св. чашу. Онъ казался мнѣ парящимъ надъ жертвенникомъ; серебрястая голова его не различалась отъ клубившагося дыма кадилаицы; великолѣпная и блестящая одежда его казалась мнѣ огненною; мнѣ казалось, что благоухающій дымъ ѳиміама возносилъ и поддерживалъ его горѣ. Я думалъ видѣть въ немъ небснаго жителя. Воспоминанія объ Іерусалимѣ и великолѣпнн храма его слились въ моей мысли съ представленіемъ видѣннаго мною совершенія безкровной жертвы. Миръ представлялся мнѣ тогда вмѣстилищемъ идоловъ, и только въ церкви видѣлъ я поклонниковъ истиннаго Бога.

Путь мой все болѣе и болѣе озарялся свѣтомъ истины. Съ наслажденіемъ читалъ я превосходныя проповѣди Боссюэта и продолжалъ изученіе христіанской философіи. Душа моя глубоко ощущала силу живаго слова Евангелія. Преподаватель и вмѣстѣ руководитель мой далъ мнѣ эту Божественную книгу не прежде, какъ я прочелъ сполна весь Ветхій Завѣтъ. Ахъ! какъ мнѣ это памятно: было 9 часовъ вечера, когда окончилъ я послѣднюю страницу Ветхаго Завѣта, и сейчасъ же раскрылъ Новый Завѣтъ. Душа моя такъ слилась съ этимъ чтеніемъ, что я не могъ оторваться отъ него и не останавливаясь испивалъ чашу животворныхъ водъ Евангелія св. Матѳея. Два раза прочелъ я такимъ же образомъ Евангеліе св. Іоанна.

Жизнь моя послѣ этого приняла направленіе болѣе твердое и прямое. Небольшой кругъ искреннихъ друзей утѣшалъ меня своимъ общеніемъ. Сердечная молитва соединяла меня съ Богомъ. Въ радости и простотѣ чадъ Божіихъ

жили мы вмѣстѣ, занимаясь настоящимъ, забывая прошедшее и не желая разгадывать будущаго, предоставляя его въ распоряженіе Промысла Божія.

Пламенное желаніе моего сердца наконецъ сбылось: насталь день моего крещенія; я получилъ таинственное возрожденіе. Удаляясь изъ отческаго крова, въ который я долженъ былъ возвратиться христіаниномъ, я встрѣтилъ брата. — Онъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ: «куда ты идешь? «Близко,» — отвѣчалъ я. Въ самомъ дѣлѣ мнѣ оставалось сдѣлать одинъ шагъ: я переходилъ отъ іудейства въ христіанство, изъ синагоги въ церковь, отъ Моисея къ Іисусу Христу, отъ смерти въ животъ! И подлинно, истинная жизнь изливалась на меня, проникая все существо мое, когда освященная вода падала на главу мою! Я чувствовалъ невыразимую радость, свободу, достоинство, благодарность. Казалось, природа мнѣ улыбалась и была освѣщена новымъ свѣтомъ. Все мнѣ представлялось совершенно въ иномъ видѣ; и я такъ счастливъ былъ мыслию, что принадлежу къ великому семейству христіанства, что съ трудомъ могъ удерживать выраженіе моего чувства предъ всеми и каждымъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я приступилъ къ таинству св. причащенія. Я не нуждался въ убѣжденіяхъ со стороны. Слово І. Христа принимается вѣрою безъ мертвящихъ изслѣдованій притязательнаго разума. Впрочемъ въ св. крещеніи я получилъ, чрезъ наитіе Св. Духа, какъ бы влеченіе ко всему Божественному. Я жаждалъ общенія въ любви Божіей; и эта жажда давала мнѣ гораздо болѣе понимать силу таинства св. причащенія, чѣмъ всѣ толкованія ума человѣческаго. Нелюбящій никогда не пойметъ таинства любви, его необходимости, его достовѣрности; а кто любитъ, тотъ не бу-

детъ желать объясненій: онъ убѣжденъ самымъ опытомъ; онъ постигъ таинство чувствомъ своимъ.

Однако въ семействѣ моемъ стали замѣчать перемѣну въ моей жизни, казавшуюся имъ странною. Меня любили и щадили, потому что я былъ человѣкъ полезенъ для школы, но подозрѣвали во мнѣ христіанское направленіе и подозрѣніе это оправдывалось моими посѣщеніями церкви. Я ходилъ туда рано утромъ; широкій плащъ скрывалъ меня, но меня замѣчали. Я чувствовалъ, какъ сильно встревожено было мое семейство. Я былъ всегда предметомъ особенной любви моего отца, и во всѣхъ случаяхъ онъ оказывалъ мнѣ полную довѣренность. Раздѣливъ со мною власть свою надъ евреями, онъ не зналъ теперь, радоваться ли ему или огорчаться вліяніемъ моимъ надъ ними. Дядя мой, считавшійся первымъ послѣ отца членомъ въ обществѣ, съ большимъ вниманіемъ слушалъ донесенія на меня, смущавшія его совѣсть. Вся синагога волновалась противъ меня и, не ожидая отца, требовала объясненія тайнъ моего сердца. Положеніе наше становилось невыносимымъ: затрудняли насъ и наше вѣроисповѣданіе, которое мы боялись нарушить словомъ или дѣломъ, и потребности ввѣренныхъ намъ дѣтей, которыхъ мы не имѣли права оставить и не чувствовали себя даже способными на то. Ежедневныя сопротивленія и борьба угнетала насъ. Отъ Промысла Божія ожидали мы освобожденія изъ запутаннаго состоянія нашего.

Въ самомъ дѣлѣ неожиданное событіе принудило товарища моего удалиться изъ синагоги и оставить должность свою. Онъ поступилъ въ М-скую семинарію. Понятно, каково было изумленіе и негодованіе синагоги. Нѣсколько дней предъ тѣмъ, въ общемъ собраніи, мы изъяснили исполненную силы и особеннаго значенія для евреевъ XXVIII главу

Второзаконія, гдѣ изливаются благословія на вѣрныхъ и проклятія на невѣрныхъ израильтянъ. *И аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, прійдутъ на тя вся клятвы сія и постигнутъ тя (15). И будетъ небо надъ главою твоею мѣдяно, и земля подъ тобою жельзна (23). И будеши въ разсыпаніи во всѣхъ царствахъ земныхъ (25). Поразитъ тя Господь неистовствомъ, и слѣпотою, и изступленіемъ ума. И будеши осязая въ полудни... и будеши тогда обидимъ и расхищаемъ во вся дни, и не будетъ помогай тебѣ (28. 29). И будеши тамо въ гаданіе и въ притчу и повѣсть во всѣхъ языцехъ (37). И прійдутъ на тя вся клятвы сія (45). И будутъ на тебѣ знаменія и чудеса, и въ сѣмени твоемъ до вѣка: понеже не послужилъ еси Господеву Богу твоему съ веселіемъ и бланіемъ сердцемъ, множества ради всѣхъ бланіхъ (46. 47).*

Это чтеніе, сдѣлавшее сильное впечатлѣніе, было прервано случаемъ. Онъ обнаружилъ свойства духа синагоги и доказалъ намъ, какую она еще хранила къ намъ довѣренность. Новый фарисей, не вытерпѣлъ словъ Моисеевыхъ, сталъ въ негодованіи посреди собранія, прервалъ чтеца и, объявивъ, что все происходящее противно преданію, сильно убѣждалъ собраніе разойтись. Я настаивалъ на противномъ, и чтеніе было продолжаемо. Напрасно противникъ продолжалъ убѣжденія свои; онъ вышелъ, но вышелъ одинъ, никто не двинулся съ мѣста. Не смотря на счастливый оборотъ дѣла, мы могли отселѣ предвидѣть близкій конецъ нашего миссіонерства. Рѣшеніе друга моего произвело страшное волненіе. Я остался одинъ противъ ударовъ. Я устоялъ, но душа изнывала отъ скорби. Я долженъ былъ довести до конца общій трудъ нашъ и ждать указаній Провидѣнія для

открытаго исповѣданія моеѣ вѣры. Отвсюду просили моего отрѣшенія отъ должности; но одинъ только президентъ Консисторіи, бывшій старшимъ надо мною, могъ требовать этого, — а президентомъ былъ мой отецъ. О, возможно ли описать, сколько онъ страдалъ за меня, и сколько я страдалъ за него! . . . Поступокъ задушевнаго друга моего, товарища и дѣтства, и занятій, и трудовъ, и скорбей моихъ не оставлялъ никакого сомнѣнія въ подозрѣніяхъ о вѣрѣ моеѣ. Меня обвиняли въ колдовствѣ надъ дѣтьми, а дѣтямъ внушали ненависть противъ меня; называли меня лицемѣромъ, соблазнителемъ, губителемъ; и яростные крики негодованія замѣнили недавно издававшіяся мнѣ похвалы. Одно только уваженіе къ семейству моему и особенно охраненіе Божіе могли меня избавить отъ грубости и оскорбленій разъяренныхъ израильтянъ. Терпѣніе и мужество были дарованы мнѣ Богомъ. Я не уклонился отъ принятаго мною направленія.

Нѣсколько разъ отъ меня требовали всенароднаго исповѣданія. Отецъ присоединялъ свои убѣжденія. Въ назначенный день я взшелъ на кафедру посреди толпы, нетерпѣливо обружившей меня. Я началъ слово, уповая на Бога. Я сказалъ, что, отправляя безвозмездно должность начальника школы, я имѣлъ право не давать мелочныхъ отчетовъ предъ притязательною недовѣрчивостію; но, склоняясь на общее желаніе, я исчислилъ совершенныя уже дѣла, послѣдовавшіе отъ нихъ плоды и указалъ на предугадываемыя ожиданія. Не успѣлъ я еще окончить свою рѣчь, какъ мнѣ уже оказывали знаки одобренія и сочувствія. Замѣтивъ доброе расположеніе ко мнѣ, я сейчасъ же прекратилъ слово, сказавъ: «вы оправдываете дѣла мои; не обвиняйте же вѣру, производившую ихъ. Узнавайте дерево по плоду его;

ибо недоброе дерево приносит дурные плоды, а приносящее добрые плоды не может быть дурнымъ деревомъ!»

Господь, смягчающій сердца человѣческія, далъ полный успѣхъ моему слову. Иудеи замолчали и снова оказали мнѣ уваженіе и довѣріе. Отецъ мой отказался слушать дѣланные на меня еще доносы. Синагога успокоилась, но не успокоился отецъ мой. Онъ не могъ не замѣчать во мнѣ христіанскаго направленія, хотя видимо старался не всматриваться въ образъ моей жизни, чтобы не удалить отъ себя любимаго сына и не быть принужденнымъ отрѣшить меня отъ управления школами, такъ успѣшно процвѣтавшими. Теперь онъ боялся, чтобы какой либо случай не выдалъ меня. Желая отстранить такой случай, онъ пригласилъ меня къ бесѣдѣ. Я приступилъ къ нему съ трепетнымъ чувствомъ сыновняго уваженія и съ мужественною рѣшимостью христіанина. Отецъ говорилъ съ чувствомъ трогательнаго убѣжденія, и, напомнивъ всё доказательство своей нѣжной любви ко мнѣ и довѣрія, прямо спросилъ меня: «христіанинъ ли ты?» — «Да», отвѣчалъ я; я христіанинъ, и только укрѣпленный силою вѣры христіанской, я могъ посвятить себя дѣлу обновленія братій, отказываясь отъ всѣхъ развлеченій житейскихъ». Въ смущеніи отецъ замолчалъ. «Я христіанинъ, продолжалъ я; но поклоняюсь Богу отцевъ моихъ, Богу Трисвятому, Богу Авраама, Исаака и Іакова и признаю Иисуса Христа Мессіею, Искупителемъ Израиля». Отецъ не имѣлъ силъ отвѣчать; онъ горько заплакалъ; въ первый разъ видѣлъ я слезы его. Горькія слезы полились изъ очей моихъ, сердце мое раздиралось, я изнемогалъ. Отецъ взглянулъ на меня, какъ бы вопрошая, сынъ ли я еще его. Наконецъ сказалъ, что изъ всѣхъ горестей жизни своей онъ еще не испытывалъ подобной. Онъ

взывалъ къ памяти матери моей, ублажалъ ее, что она смертію своею предупредила такое огорченіе! О, какъ содрогалась душа моя при видѣ такой жестокой и безразсудной скорби! Я старался смягчить ее выраженіемъ своихъ сыновнихъ христіанскихъ чувствъ; но отецъ въ негодованіи и отчаяніи былъ готовъ поразить меня проклятіями. Я бѣжалъ изъ дому родительскаго, и въ уединенной молитвѣ пріобрѣлъ новую силу воли. Я чувствовалъ потребность писать къ отцу какъ можно утѣшительнѣе; но, предлагая ему свои услуги по управленію школами, я объявилъ, что скорѣе лишусь жизни, чѣмъ измѣню своей вѣры. Отецъ приглашалъ меня возвратиться къ нему и даже согласился на мое предложеніе съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы я отказался отъ преподаванія уроковъ въ школахъ; нѣкоторымъ образомъ онъ извинялся предо мною въ томъ, что не могъ скрыть взволновавшихъ его чувствъ. Мы вполнѣ примирились; и нѣсколько времени я былъ безотрадно спокоенъ. Впрочемъ мой дядя не давалъ мнѣ покою. Онъ находилъ, что я позорю семейство и совершаю собственное несчастіе. Особенно его устрасала мысль, что я вступлю въ духовное званіе, къ которому онъ замѣчалъ во мнѣ расположенность. Онъ совѣтовалъ мнѣ путешествовать въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ для перемѣны мѣстъ, климата и образа мыслей. Я благодарилъ его за участіе, но не согласился на его предложеніе. Отказъ мой огорчилъ его, — и я былъ свидѣтелемъ его слезъ и слезъ стараго отца моего. Тогда дядя сталъ умолять меня о томъ, чтобы не производить соблазна. Но евреи сами вызвали соблазнъ, столько устрасавшій мое семейство. Они снова приступили къ моему отцу, настойчиво требуя моего удаленія; ругались надо мною на улицахъ и даже въ домъ отца моего. Терпѣніе мое ис-

тошилось. Настало время удалиться. И такъ я созвалъ къ особенному засѣданію членовъ консисторіи и старшинъ и, прося отца председательствовать въ собраніи, приготовился прощаться съ синагогою. Засѣданіе состоялось въ 6 часовъ вечера, и торжественность его имѣла что-то похожее на торжественность похоронъ. Я былъ въ сильномъ смущеніи; приходившіе одинъ за другимъ молча вопрошали взорами другъ друга. Отецъ, при всегдашнемъ своемъ спокойствіи казался однако глубоко-прикорбнымъ, и дрожащимъ голосомъ пригласилъ меня объясниться. Тогда, приведя вкратцѣ выводъ того, что я совершилъ и думалъ еще совершить, напомнилъ я евреямъ всегдашнюю ихъ неблагодарность и упорство, доказывалъ имъ необходимость новаго образованія и всю пустоту искусственнаго и поддѣльнаго просвѣщенія еврейскаго; потомъ спросилъ у президента: слѣдуетъ ли мнѣ продолжать начатое дѣло образованія собратій? Отецъ обратился къ мнѣнію собранія,—и одинъ старецъ изъявилъ согласіе на продолженіе моихъ трудовъ въ школахъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы я остался евреемъ. Отецъ отвѣтилъ за меня, объявивъ мое отрѣшеніе. Тогда, не оставаясь ни одной минуты лишней, я всталъ и, отряси прахъ отъ ногъ моихъ, на вѣки простился съ синагогою. Я распространился нѣсколько въ описаніи этого періода моей жизни потому, что онъ былъ для меня приготовленіемъ къ священству, а для многихъ къ христіанству. Нѣтъ, не могу предполагать чтобы земля, напоенная потомъ и слезами, могла остаться безплодною. Посѣянное земледѣльцемъ взойдетъ въ свое время, при помощи Божіей. Древній корень вѣры, сокрытый въ глубинѣ души каждаго еврея, принесетъ въ свое время плодъ свой, если онъ мало по малу будетъ очищенъ и орошенъ животворящей водой—словомъ любви о Христѣ. Въ против-

номъ случаѣ, нападая на древнюю вѣру евреевъ вашими доказательствами и разсужденіями, вы подавите ее и нонесете ей стремительный ударъ. Опытъ дастъ мнѣ право такъ мыслить.

На другой день синагога торжествовала, но семейство мое было въ горести. Вечеромъ того же дня, оставилъ я домъ отца, чтобы переселиться въ домъ христіанскій, гдѣ были уже многіе друзья мои. Но и туда родные приходили упрашивать меня, старались отклонить отъ видимаго разрыва, сдѣлавшагося такъ необходимымъ. Сколько раздирающихъ сценъ происходило тамъ ежедневно!... Десять лѣтъ прошло со времени обращенія моего. Когда родные увидѣли, какъ я былъ твердъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, тогда возвратили мнѣ свое уваженіе и съ того времени относились ко мнѣ съ почтеніемъ. Но никакія убѣжденія ихъ не могли удалить меня отъ священства. О, святая церковь Христова! Можетъ ли душа человѣческая желать чего либо сильнѣе, глубже, постояннѣе, какъ желала душа моя служить тебѣ?! Я не знаю, когда родилось во мнѣ это желаніе, когда наполнило оно душу мою; мнѣ кажется, что я получилъ его вмѣстѣ съ жизнію моею!

Въ другой день Сивилла торжественно по семейству моему объявила, что она видела в видении, какъ въ домѣ моемъ въ то время, когда я оставилъ его, оставилъ я домъ свой, чтобы переселиться въ домъ христіанскій, гдѣ бы я уже много дѣлалъ бы добрыхъ и полезныхъ дѣлъ.

ГОНЕНІЕ НА ХРИСТІАНЪ ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ Марка - Аврелія.

Ежели церковь Христова, въ царствованіе Антонина Благочестиваго (138—161) *, не испытывала тяжкихъ по крайней мѣрѣ—притѣсненій со стороны языческой власти: то можно было надѣяться, что, со вступленіемъ на престолъ римскій Антонинова пріемыша — Марка-Аврелія (161—180), общество христіанъ въ имперіи будетъ наслаждаться совершенною безопасностію и полнымъ спокойствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ чего было страшиться христіанамъ Кесаря—любителя мудрости? Не возвелъ ли онъ съ собою на престолъ философію самую чистую и самую возвышенную, какая только возможна была для древняго міра? Маркъ-Аврелій могъ служить образцемъ для римскихъ Кесарей; и одинъ изъ историковъ (Гиббонъ) не затруднился сказать, что царствованіе Аврелія доставило роду человѣческому самую большую сумму возможныхъ благъ. Если этотъ отзывъ не чуждъ преувели-

*) Название—благочестиваго—pius—дано сенатомъ Антонину вскорѣ по вступленіи его на престолъ за вѣрное и нехвастливое исполненіе имъ какъ религіозныхъ, такъ и другихъ обязанностей.

увеличенія; за всѣмъ тѣмъ, нельзя отвергать того, что преемникъ Антонина былъ государь весьма замѣчательный. «Маркъ Аврелій, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, былъ одинаково умѣреннымъ какъ въ отклоненіи людей отъ зла, такъ и въ возбужденіи ихъ къ добру. Онъ обладалъ искусствомъ — злыхъ дѣлать добрыми, а добрыхъ лучшими; у него былъ обычай уменьшать полагаемое закономъ наказаніе за преступленіе, хотя, по временамъ, этотъ кесарь бывалъ неумолимымъ судіею для тяжкихъ и закоснѣлыхъ преступниковъ *)». Теперь естественно спросить: по какимъ же причинамъ столько умѣренный и столько добродѣтельный кесарь отнесъ христіанъ къ числу людей, отверженныхъ и преступныхъ, для которыхъ въ душѣ его не нашлось ни малѣйшаго снисхожденія. Удивленіе наше еще болѣе возрастетъ, когда мы остановимся вниманіемъ на сочиненіяхъ Марка Аврелія, полныхъ возвышенныхъ мыслей, писанныхъ или диктованныхъ среди суровой лагерной жизни, проникнутыхъ духомъ философіи Сенеки, — сочиненіяхъ замѣчательныхъ своею строгою послѣдовательностію. Маркъ Аврелій старался быть вѣрнымъ въ жизни тому, что излагалъ въ своихъ сочиненіяхъ: свои нравственныя правила выполнялъ и въ кесарской порфирѣ **).

Философъ изъ рабовъ — Эпиктетъ ***) гораздо въ меньшей мѣрѣ показывалъ презрѣніе къ внѣшнимъ благамъ,

*) Hist. Aug. scr. p. XXXII. Это сборникъ жизнеописаній нѣкоторыхъ кесарей, составленныхъ разными писателями. Такъ напр. жизнеописаніе Антонина и Марка Аврелія составленъ Юліемъ-Капитолиномъ.

**) Сочиненія Марка Аврелія писаны на греч. языкѣ и озаглавливаются: *τὰ εἰς ἑαυτὸν*; это уроки нравственности.

***) Изъ сочиненій Эпиктета извѣстно — *Ἐγχειρίδιον* — ручная книга, руководство; это собраніе нравственныхъ правилъ.

нежели вѣнчаный философъ, обладавшій этими благами въ обилии, но успѣвшій оторвать отъ нихъ свое сердце.

Маркъ Аврелій для своего образованія воспользовался всёмъ, что только его время представляло лучшаго и возвышеннѣйшаго; подобно Сенекѣ онъ дышалъ любовію къ человѣчеству, умѣрившею римскую суровость. Правда, нельзя сказать, чтобы это была любовь чисто христіанская, но все же въ сочиненіяхъ кесаря-философа нельзя не замѣчать хотя слабаго вліянія новаго ученія на его образъ мыслей. Какія же, повторяемъ, причины заставили Марка Аврелія воздвигнуть гоненіе на церковь Христову и оказаться въ отношеніи ея членомъ болѣе жестокимъ, нежели каковыми были Коммодъ (180—193) и Элагабалъ, иначе Геліогабалъ (218—222)?

Первѣе всего мы должны замѣтить, что въ царствованіе Марка Аврелія народныя страсти, столь легко возбуждаемыя, разразились противъ христіанъ съ особеннымъ неистовствомъ; общественныя бѣдствія, которыхъ не въ силахъ предотвратить самое лучшее правительство, неоднократно опустошали имперію; Римъ страшно пострадалъ отъ сильнаго разлива Тибра; землетрясеніе и опустошительныя эпидеміи попеременно посѣщали различныя области; война съ особенною жестокостію кишѣла какъ на востокѣ, такъ и на западѣ имперіи; кесарь долженъ былъ постоянно сражаться съ германскими народами, нападавшими на его владѣнія, и въ одно время опасность была такъ велика, что Маркъ Аврелій вынужденъ былъ записать въ ряды арміи самихъ гладіаторовъ; ни одна изъ правительственныхъ мѣръ не могла въ такой степени потревожить и раздражить народъ, какъ эта послѣдняя мѣра; римская чернь лишалась, со вступленіемъ гладіаторовъ въ армію, любимаго своего зрѣлища и ничѣмъ незамѣнимаго удовольствія. Мрачный

ужасъ овладѣлъ всѣми; неясное предчувствіе твердило всякому, что судьба имперіи должна рѣшиться на предѣлахъ германскихъ лѣсовъ. Замѣчено, что нѣтъ ничего необузданнѣе и жесточе, какъ встревоженное суевѣріе; напряженность ума, возникшая изъ страха у народа, неимѣющаго истинной религіи, легко и скоро переходитъ въ самый дикій фанатизмъ; отсюда-то взрывъ страстей въ ужасающихъ размѣрахъ. Для защиты христіанъ нужно было противиться самымъ настойчивымъ требованіямъ черни; нужно было противостать и противорѣчить ей, тогда какъ, съ точки зрѣнія законодательства имперіи, домогательства черни были вполне законны; мы не должны забывать, что преслѣдованія — христіанъ кѣмъ бы то ни было — ни на одинъ день не переставали быть дѣломъ праведнымъ въ глазахъ римской государственной власти. Маркъ Аврелій находилъ не мало побужденій потворствовать народнымъ страстямъ и раздѣлять вмѣстѣ съ буйною чернію ненависть къ христіанамъ; ему вовсе невыгоднымъ казалось принять подъ свое покровительство людей, повсюду съ одинаковымъ ожесточеніемъ предаваемыхъ проклятію.

И такъ гроза разразилась. Въ первые годы царствованія Марка Аврелія гоненіе началось въ самой столицѣ кесарей — въ Римѣ. Нѣкто Крискентъ, циническій философъ, сталъ возбуждать языческое населеніе Рима противъ христіанъ. Жена одного язычника приняла св. крещеніе; изъ отвращенія къ порочной жизни своего мужа — идолопоклонника, котораго она тщетно упрашивала оставить преступное поведеніе, воспользовалась правомъ, предоставляемымъ гражданскимъ закономъ и развелась съ нимъ.

Изъ мести, осрамленный мужъ — язычникъ обвинилъ ее въ исповѣданіи христіанства и вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ до-

ность на христианина по имени Птоломея, просвѣтившаго его жену святою вѣрою. Птоломей былъ арестованъ и представленъ префекту города Рима—Урбику. За одно чистосердечное признаніе въ исповѣданіи христіанства, Птоломей былъ осужденъ на смерть.

Въ это время другой христіанинъ, пораженный осужденіемъ невиннаго человѣка, обратился къ Урбику съ вопросомъ: «Почему ты осудилъ на казнь этого человѣка, который не виновенъ ни въ блудѣ, ни въ прелюбодѣянніи, не убійца, не грабитель или воръ, и не обличенъ въ какомъ-либо преступленіи, а исповѣдалъ только, что онъ христіанинъ? Ты, Урбикъ, судилъ какъ не прилично ни самодержцу благочестивому, ни философу, сыну кесаря, ни священному сенату!» Урбикъ на это возразилъ только: «И ты, кажется мнѣ, такой же христіанинъ?» — Да, сказалъ Люцій, и также былъ отведенъ на казнь. Та же участь постигла и третьяго христіанина, который подоспѣлъ на это дѣло *).

Почти въ тоже время стали гнать христіанъ и въ провинціяхъ, въ особенности въ Малой Азіи; тамъ, рядомъ съ храмами Діаны Ефесской, Эскулапа Пергамскаго, обманщика Александра **), среди торжествующаго еще суевѣрія, про-

*) Св. Густ. апол. II. Памятники древн. христ. письмен. въ рус. перев. т. III стр. 32.

**) Этотъ Александръ родился въ Малой Азіи, въ области Пафлагоніи, въ городѣ Абонитихъ (иначе Юнополисъ) нынѣ Инеболи; жители этой страны извѣстны были своею глупостію, грубостію, суевѣріемъ и великую грязную жизнь. Воспользовавшись крайнимъ невѣжествомъ своихъ единоземцевъ, Александръ, отличавшійся особенною смѣтливостію, принялъ на себя роль прорицателя; успѣхи его на этомъ поприщѣ далеко превзошли успѣхи Аполлонія Тіанскаго при Домиціанѣ (81—95). Еще при жизни Александра ему выстроили храмъ, въ которомъ толпилось множество жрецовъ; одни изъ нихъ платили ему деньги, а съ другихъ онъ самъ полу-

цвѣтало весьма значительное число христіанскихъ церквей. Іудеи въ этой странѣ, какъ и вездѣ, принялись за ремесло подстрекателей; возбуждаемые ими язычники начали кричать: смерть нечестивцамъ (христіанамъ). Безъ официальнаго вмѣшательства кесаря, безъ всякаго эдикта, уничтожающаго снисходительные эдикты Адриана и Антонина Благочестиваго, правители римскіе въ Малой Азіи обнародовали отъ своего имени постановленіе, враждебное христіанамъ; личная ненависть языческихъ начальниковъ къ исповѣдникамъ имени Христова, ихъ ненасытная страсть къ грабежу подоспѣли тутъ на помощь; день и ночь жилища христіанъ и даже тѣхъ, которые были только подозрѣваемы въ исповѣданіи христіанства, подвергались нападеніямъ, были обыскиваемы и обираемы; подобнаго рода несправедливые поступки съ христіанами произвели немалый въ нихъ страхъ своею неожиданностію.

Въ Римѣ и внѣ Рима, ученики распятаго Господа обратились съ просьбою о защитѣ къ верховной власти; нѣсколько уже времени христіане пріучены были обращаться къ кесарямъ за помощію. Христіане, среди настоящихъ обстоятельствъ, не теряли надежды на благосклонность, право-

чалъ по таланту (около 1,500 р.) въ годъ; его прорицанія — по одному оволу или драхмѣ за прорицаніе — доставляли ему въ годъ доходу отъ 70,000 до 80,000 драхмъ (отъ 12 т. до 14 т. руб. сер.). Полководцы обращались къ нему за совѣтомъ, хотя одинъ изъ нихъ, именно Северіанъ погибъ отъ этого. Маркъ Аврелій покровительствовалъ этому лжепророку, хотя, воспользовавшись его совѣтомъ, потерпѣлъ сильное пораженіе въ одномъ сраженіи съ Германцами. Изъ враговъ Александра извѣстенъ въ особенности Лукіанъ Самосатскій, дерзнувшій укусить сего пророка руку, которую тотъ подалъ ему было для цѣлованія; этотъ же Лукіанъ и оставилъ намъ жизнеописаніе Александра — лгуна въ сочиненіи подъ названіемъ: *ψευδομάντις* — лжепрорицатель.

судіе и доброту Марка Аврелія. Св. Іустинъ-Философъ, съ такою смѣлостію предстательствовавшій за свою братію о Христѣ предъ Антониномъ Благочестивымъ (и, какъ кажется, былъ услышанъ) обратился снова къ курульнымъ кресламъ Антониноваго преемника, опираясь вполнѣ на правоту защищаемаго имъ дѣла и полагаясь на правосудіе кесаря. Въ такъ называемой второй апологіи святой философъ является лицомъ, котораго не могутъ устрашить никакія угрозы и онъ нисколько не умаляетъ прежняго своего безстрашнаго дерзновенія. «Событія, говоритъ св. мученикъ, совершившіяся вчера и третьяго дня въ вашемъ городѣ при Урбикѣ, Римляне, и то, что подобнымъ образомъ безразсудно дѣлается вашими правителями повсюду, вынудили меня написать эту рѣчь въ защиту насъ, которые одной природы съ вами и ваши братья, хотя вы и не признаете этого и не хотите признавать изъ-за славы вашихъ мнимыхъ достоинствъ. Ибо повсюду, исключая тѣхъ, которые вѣруютъ, что незаконные и невоздержные будутъ наказаны вѣчнымъ огнемъ, а добродѣтельные и жившіе подобно Христу будутъ жить вмѣстѣ съ Богомъ въ состояніи, чуждомъ страданій, — я разумѣю сдѣлавшихся христіанами, — всѣ, кого стануть исправлять отъ какого-нибудь порока, отецъ или ближній, или сынъ, или другъ, или братъ, или мужъ, или жена, всѣ такіе по упорству воли, привязанности къ удовольствію и непреклонности къ добру, и злые демоны, всегда враждующіе противъ насъ и имѣющіе такихъ судей (какъ Урбикъ) своими рабами и почитателями, настроиваютъ такихъ правителей, какъ бы бѣснующихся, подвергать насъ смерти. И я ожидаю, что буду пойманъ въ сѣти кѣмъ-нибудь изъ тѣхъ, о которыхъ я упомянулъ, и повѣшенъ на деревѣ, по крайней мѣрѣ, Крискентомъ, любителемъ шума и суетнаго

блеска... Я хочу, чтобъ вы знали, что я, предложивъ ему нѣсколько вопросовъ, удостовѣрился и доказалъ, что онъ вовсе ничего не знаетъ. И если эти состязанія съ нимъ не дошли до васъ, то, въ доказательство истинности моихъ словъ, я готовъ и при васъ повторить состязаніе съ нимъ и это было бы царское дѣло... Но чтобы кто нибудь не сказалъ намъ: «такъ убивайте же всѣ сами себя и отходите къ Богу, и насъ избавьте отъ хлопотъ»: то скажу, по какой причинѣ мы этого не дѣлаемъ, и почему при допросахъ безбоязненно признаемся. Мы научены, что ненарасно Богъ сотворилъ міръ, но для человѣческаго рода, и, какъ я прежде сказалъ, Онъ услаждается тѣми, которые подражаютъ въ свойственныхъ Ему добродѣтеляхъ, и не навидитъ тѣхъ, которые словомъ или дѣломъ предпочитаютъ зло. И такъ, если мы станемъ сами себя убивать, то будемъ виновны въ томъ, что, сколько отъ насъ зависитъ, никто не родится, не научится Божественному ученію, и перестанетъ существовать человѣческій родъ, и если будемъ дѣлать такъ, то сами поступимъ противно волѣ Божіей. Когда же насъ допрашиваютъ, — мы не отрицаемся, потому что не сознаемъ за собою ничего худаго, но почитаемъ нечестіемъ не быть во всемъ вѣрными истинѣ, которая, мы знаемъ, угодна Богу *)».

Вторая защитительная рѣчь св. Іустина болѣе, нежели простая апологія; это вопль изъ глубины души, это протестъ противъ неправды, высказанный св. Іустиномъ среди смертныхъ приговоровъ, въ виду безчеловѣчныхъ казней, на которыя осуждены были какъ самъ защитникъ, такъ и защищаемая имъ его братія. Истинность и величіе ученія

*) Св. Іустина апол. II.

Христова, нечистота происхожденія язычества, полусвѣтъ, бросаемый философіею на жизнь человѣческую — все это изображено философомъ—ученикомъ Распятаго въ краткихъ, но гораздо болѣе краснорѣчивыхъ и одушевленныхъ словахъ, нежели въ его первой апологій, писанной въ то время, когда опасность не была столь очевидною. Въ заключеніе мужественный защитникъ истины требуетъ не одной только вѣротерпимости, но совершеннаго одобренія и признанія христіанскаго ученія. «И такъ, я прошу васъ, благоволите надписать на этомъ сочиненіи, что вамъ угодно, и обнародовать его, чтобы и другіе узнали о нашихъ дѣлахъ и могли освободиться отъ ложнаго мнѣнія и невѣдѣнія о добромъ».

«Если вы сдѣлаете надпись на этомъ сочиненіи моемъ, то я сдѣлаю его извѣстнымъ всѣмъ, чтобы, если можно, перемѣнили свои мысли: съ этою единственною цѣлію я написалъ это сочиненіе. А наше ученіе, по здравому суду, не постыдно, но выше всякой человѣческой философіи. По крайней мѣрѣ оно не походитъ на сотадскія, филенидскія *), орхистическія, эпикурейскія, и другія такого же рода наставленія поэтовъ, которыя всѣмъ позволено и видѣть въ представленіяхъ и читать въ писаніяхъ. Я наконецъ заключу, сдѣлавши съ своей стороны все, что могу, желая, чтобы всѣ люди повсюду сподобились истины. О, еслибы вы ради себя самихъ судили правильно, какъ того требуетъ благочестіе и любомудріе **»)!»

Вдалекѣ отъ столицы міра удивленіе христіанъ о постигшемъ ихъ бѣдствіи было еще сильнѣе, и въ то же время надежда на правосудіе кесаря была еще живѣе. Великій под-

*) Сотадъ и Филенидъ первые стали описывать въ стихахъ безнравственные и нецѣломудренные предметы. Страб. XIV.

***) Св. Іустин. апол. II.

вижнигъ, прозорливецъ, свѣтило Азійскихъ церквей, епископъ Сардійскій *), Мелитонъ, подобно Іустину мученику, возвысилъ свой голосъ въ защиту невинно гонимыхъ его братій. «Чего никогда не бывало у насъ, то теперь совершается, говоритъ сей святитель **). Общество вѣрующихъ, въ силу новыхъ эдиктовъ, осуждено въ Азїи на гибель и истребленіе; если это бѣдствіе обрушилось на насъ по твоему, государь, повелѣнію; пусть будетъ это такъ. Правосудный царь не можетъ приказывать ничего несправедливаго, и мы станемъ смотрѣть на смерть, какъ на награду — и умирать съ радостію; но попросимъ у тебя одной только милости: суди ты самъ собою обвиняемыхъ людей и изслѣдуй, заслуживаютъ ли они смертную казнь, или, быть можетъ, они стоятъ того, чтобы предоставить имъ возможность жить въ покоѣ, внѣ всякой опасности. Въ противномъ случаѣ, если столь неслыханный и страшный противъ насъ приговоръ, несправедливый даже въ отношеніи враговъ и варваровъ, произошелъ не отъ твоей власти, то мы просимъ тебя болѣе, нежели когда-нибудь, — защити насъ отъ подобнаго неистовства... Содержимое нами ученіе получило начало во времена Августа кесаря; оно распространилось во всѣхъ концахъ имперїи. Только Неронъ и Домиціанъ, слѣдуя пагубнымъ совѣтамъ, задумали было истребить послѣдователей этого ученія; здѣсь-то начало той ненависти, которую противъ насъ питаетъ римская чернь.

*) Сарды — *Σάρδεις* — нынѣ Сартъ, въ Малой Азїи, въ области Ликии, при подошвѣ горы Тмола, въ плодородной мѣстности, орошаемой рѣкою Пактоломъ.

***) Отрывки апологіи Мелитона найдены Кюртономъ въ Сирской рукописи въ Британскомъ музеѣ; переведены на латинскій языкъ и изданы Дономъ-Питрою во 2 т. specil. solemn.

Но заблужденія этихъ двухъ кесарей исправлены были твоими благородными предшественниками; неоднократно ихъ указы удерживали желавшихъ преслѣдовать христіанъ». Упомянувши объ эдиктахъ Адріана и Антонина, изданныхъ въ пользу христіанъ, Мелитонъ присовокупляетъ: «Мы имѣемъ много причинъ думать, что ты раздѣляешь образъ мыслей твоихъ благосклонныхъ предшественниковъ, что твои понятія о любви къ людямъ болѣе возвышенны и основаны на философіи болѣе глубокой, нежели ихъ понятія объ этомъ предметѣ; а потому мы питаемъ надежду, что ты выслушаешь насъ и исполнишь нашу просьбу».

Высказавши такимъ образомъ свою и другихъ христіанъ надежду на правосудіе кесаря, защитникъ христіанства излагаетъ исповѣданіе своея вѣры, подвергаетъ, подобно св. Іустину, язычество самой строгой критикѣ. «Дѣйствительно, говоритъ Мелитонъ, трудно навести на путь истины человѣка, пребывавшаго долгое время среди заблужденій; однако это не невозможно. Когда разсѣвается мракъ, является солнце; когда облако заблужденій исчезаетъ, является истина — Богъ. . . Если человѣкъ не знаетъ, что есть Верховный виновникъ и Владыка всей твари, — этого человѣка можно еще извинить; слѣпцу не ставятъ въ вину того, что онъ сбивается съ дороги. . . но теперь, когда божественное слово возвѣстало намъ о Богѣ истинномъ, когда отверзсты очи людямъ, нѣкогда слѣпотствовавшимъ, — совершенно безотвѣтенъ тотъ, кто видитъ озарившій его свѣтъ, но изъ страха людскаго не осмѣливается вступить на надлежащій путь. . . Кто бы ты ни былъ, если ты считаешь себя существомъ свободно разумнымъ, любителемъ истины, — потщись быть достойнымъ этого имени. Я краснѣю за того, кто не хочетъ понять, что самъ онъ гораздо выше произведенія своихъ рукъ».

«Может ли быть что-либо постыднѣе, какъ покланяться золоту и серебру, побывавшимъ въ рукахъ литейщика и чрезъ это уничтожать Того, Кто сотворилъ золото и серебро? Может ли что-нибудь быть неразумнѣе, какъ наносить обиды однимъ изъ людей, а другихъ обожать? Согласно ли съ здравымъ смысломъ — умерщвлять животныхъ для своей пользы или по прихоти и боготворить изображенія животныхъ? Вотъ разнаго рода благовонныя вещества, закупоренныя въ ящикѣ; имъ никто теперь не кланяется; но ежели изъ этихъ веществъ какой нибудь искусникъ вздумалъ бы сдѣлать идола, — многіе поспѣшатъ воздать имъ божескія почести. Безумный! Неужели руки художника придали этому золоту что-нибудь особенное, чтобы ты могъ съ благоговѣніемъ припадать къ нему? Золоту данъ видъ птицы — почему же ты не покланяешься птицѣ живой? Веществу сообщена форма дикаго звѣря; но дикіе звѣри у тебя предъ глазами; почему же ты имъ не покланяешься? Ежели произведенія простаго художника представляются тебѣ столь прекрасными: то подумай, не прекраснѣе ли дѣла Божіи, которымъ художникъ силится подражать, но никогда не можетъ сравниться съ ними. Познай самаго себя, познай Бога; пойми, какое значеніе имѣетъ для тебя то, что мы называемъ душею; душею глазъ видитъ, ухо слышитъ, уста говорятъ; все тѣло ей подвластно; и когда Богъ отдѣляетъ душу отъ тѣла, тѣло падаетъ и разрушается. Пусть этотъ незримый двигатель твоего существа укажетъ тебѣ на Бога — невидимаго, верховнаго Двигателя всей вселенной; когда этотъ Двигатель отниметъ отъ міра Свое животворящее всемогущество — міръ падетъ, обратится въ прахъ, подобно человѣческому тѣлу, по отнятіи у него души. . . Итакъ возстань изъ среды спящихъ, отстань отъ тѣхъ, кто лобызаетъ

камни, бросаетъ въ огонь, какъ жертву, хлѣбъ, которымъ питается, одѣваетъ идоловъ собственною одеждою; отдѣлись отъ того, кто, обладая чувствомъ и разумомъ, покланяется тому, что лишено чувства, не имѣетъ и слѣдовъ разума».

Можетъ быть кесарь-философъ сошлется на общественное мнѣніе язычниковъ о христіанахъ? Кесарь скажетъ: «я царь, я иначе не могу поступать; я долженъ дѣйствовать согласно съ волею подвластнаго мнѣ народа». Эти слова достойны смѣха! Не царь ли долженъ народу подавать примѣръ на все доброе, учить подданныхъ чистотѣ жизни, приводить ихъ къ познанію Бога истиннаго?...

«Только то царство можетъ пребывать въ безопасности и благоденствіи, гдѣ царь чтитъ и страшится Бога истиннаго, учить своихъ подданныхъ истинному боговѣдѣнію, судить людей какъ человѣкъ, имѣющій быть нѣкогда судимымъ отъ Самаго Бога. Въ такомъ случаѣ подданные по страху Божию не дерзнутъ оскорблять царя, ни наносить обиды другъ другу; царь будетъ правосуденъ для своихъ подвластныхъ, а подвластные, въ свою очередь, будутъ вѣрными царю, окажутся честными другъ предъ другомъ согражданами. Миръ будетъ удѣломъ подобнаго царства, и имя Божіе будетъ прославляемо повсюду».

«Не почтеть ли себя преемникъ Августа обязаннымъ во всемъ слѣдовать — притомъ слѣпо-преданіямъ отцевъ? Многіе изъ людей говорятъ: «мы идемъ по пути, проложенному нашими отцами». Но скажите, пожалуйста: зачѣмъ это люди силятся стать богачами, когда ихъ отцы сами жили и ихъ оставили въ бѣдности? Зачѣмъ люди заботятся о просвѣщеніи себя, когда ихъ отцы жили и умерли въ

невѣжествѣ? Скажите: зачѣмъ это сынъ слѣща видитъ, а сынъ хромага ходитъ? Твой отецъ ходилъ путемъ правымъ, ходи и ты такъ; если же твой отецъ блуждалъ по дорогамъ извилистымъ, не слѣдуй за нимъ, отъучай отъ этого и своихъ дѣтей; пожалѣй лучше о заблужденіи своего отца, и твоя скорбь будетъ тебѣ полезна. Замѣть все это, кесарь, передай это и твоимъ дѣтямъ, и ты оставишь имъ въ наслѣдство негибнущее сокровище въ вѣчности. Ты избавишь свою душу и души дѣтей твоихъ отъ страшнаго и праведнаго суда, которому должна подвергнуться вся земля. Сколько ты прославишь Бога истиннаго теперь въ этой жизни, столько Богъ прославитъ тебя въ оный часъ».

Такимъ образомъ безвинно гонимые и неправедно осуждаемые христіане въ Малой Азіи и Римѣ единогласно потребовали отъ кесаря справедливаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія ихъ жизни и ихъ ученія. Но коснулись ли ума и сердца кесаря-философа чистосердечныя исповѣданія вѣры, почтительныя, но твердыя апологіи, рѣшительное мужество, здравыя сужденія защитниковъ христіанства? Понялъ ли онъ, что ему, какъ человѣку, нужно помыслить о благѣ своей души,—какъ философу, позаботиться объ освобожденіи ума своего отъ заблужденій, какъ государю, подумать о спокойствіи подданныхъ? Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не сдѣлалъ Маркъ Аврелій. Разсудокъ кесаря не хотѣлъ ничему внимать; его политика въ отношеніи къ христіанамъ стала рѣшительною и не отступила назадъ ни на шагъ. Кесарь — писатель однажды только упоминаетъ о христіанахъ и притомъ какъ человѣкъ, вовсе ихъ не понимающій; дѣлаетъ отзывъ о христіанахъ, какъ о тваряхъ, идущихъ на смерть изъ повиновенія духу какой-то странной сек-

ты, но вовсе не по свободному и личному убѣжденію *). Замѣчаютъ, что Маркъ-Аврелій никогда не былъ глубокимъ знатокомъ людскихъ дѣлъ и отношеній; у него не доставало равной его предшественникамъ мудрости, чтобы въ распространившихся восточныхъ религіяхъ видѣть серьезную опасность отъ фанатиковъ — читателей Цибеллы и приносителей человѣческихъ жертвъ жрецовъ Митры. Маркъ Аврелій не въ силахъ былъ прійти къ мысли о необходимости пощадить христіанъ, по крайней мѣрѣ потому, что это были люди съ здравымъ смысломъ и совершенно чужды всякаго фанатизма. Въмѣсто всего этого кесарь самъ горячо предался восточнымъ вѣроученіямъ; а это значило рѣшиться истребить христіанъ во чтобы то ни стало. Послѣдователи ученія Христова имѣли множество самыхъ злобныхъ враговъ; первѣе всего это были Іудеи — постоянные клеветники на христіанъ; потомъ чернь, съ жаромъ предавшаяся язычеству, затѣмъ философы, получившіе особенную силу въ это царствованіе, наконецъ отпущенники и придворные. Маркъ-Аврелій не въ состояніи былъ противиться сразу столькимъ врагамъ христіанства; онъ могъ быть честнымъ человѣкомъ въ такой только мѣрѣ, въ какой былъ Пилать, но не могъ подняться до образа мыслей Гамалиила.

Гоненіе, начатое царскими чиновниками, одобрено ке-

*) «Душа должна быть во всякое время въ готовности—разстаться съ тѣломъ, будетъ ли ожидать ее послѣ разлученія съ нимъ совершенное уничтоженіе, или соединеніе съ другими стихіями, или существованіе, подобное нынѣшнему. На все это она должна быть готова, и эта готовность должна опираться на ея собственномъ размысленіи безъ увлеченія духомъ партіи, какъ это дѣлается у христіанъ, притомъ съ достоинствомъ безъ всякой театральности, съ яснымъ сознаніемъ, чтобы и другихъ побудить къ этому». XI, 7.

саремъ; по крайней мѣрѣ это видно изъ его молчанія на всѣ просьбы и предстательства христіанъ. Что же теперь ожидало самихъ защитниковъ христіанства? Послѣ свидѣтельства объ истинѣ словомъ, имъ предлежало запечатлѣть это свидѣтельство собственною кровію. Въ столицѣ кесаря пресвитеръ Симметрій, съ двадцатью двумя вѣрующими безъ всякаго суда преданы позорной смерти въ томъ мѣстѣ, гдѣ они собрались было для молитвы. *) На очереди къ мученичеству стоялъ теперь св. Іустинъ - Философъ; во второй апологіи своей этотъ поборникъ истины предвидѣлъ свой исходъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ умерщвленія Симметрія — префекту города Рима Юнію—Рустіку Философу, потомку философа, учителю и другу Марка Аврелія представленъ былъ св. Іустинъ съ шестью вѣрующими его друзьями; всѣ они въ одинъ разъ приговорены къ смертной казни **). Вотъ какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ Марка Аврелія въ Римѣ на мужественное и полное довѣрія къ правдолюбію кесаря защитительное слово Св. Іустина! подобнаго же рода отвѣтъ данъ былъ на краснорѣчивую апологію Мелитона Сардійскаго. На этотъ разъ сѣкира палача пронеслась мимо главы доблественнаго защитника малоазійскихъ христіанъ, и нашла себѣ жертву не въ дальнемъ отъ него разстояніи.

Въ Малоазійскомъ городѣ, въ области Лидіи, почти столѣтній старецъ, епископъ города Смирны, св. Поликарпъ, послѣ многихъ истязаній отъ тамошнихъ городскихъ властей, отошелъ ко Господу, вслѣдъ за многими изъ своихъ

*) Act. s. Praxedae et Prudentianae, Bolland. Mai. 19.

***) О мученической кончинѣ св. Іустина см. чет. мин. 1-го Іюня Пам. др. хр. письм. въ рус. пер. т. III.

пасомыхъ, упредившихъ его мученичествомъ. Достославная кончина св. Поликарпа *) внушила самимъ язычникамъ уваженіе къ сему святителю; имя Поликарпа долгое время оставалось въ ихъ памяти и ихъ устахъ. Вслѣдъ за смертію архипастыря смирнской церкви повторилось то же самое, что произошло 60 лѣтъ тому назадъ — послѣ смерти св. Игнатія-Богоносца; кровь сихъ священно-мучениковъ погасила пламень языческой ярости противъ христіанъ; язычество, какъ бы устыдившись своего безчеловѣчія, даровало церкви Христовой нѣсколько покойныхъ дней. Но это перемиріе не могло быть продолжительнымъ и повсюднымъ. Маркъ Аврелій во все это трудное для церкви время предоставилъ было дѣйствовать своимъ чиновникамъ, не издавая отъ лица своего никакого повелѣнія, непріязненнаго христіанамъ; за всѣмъ тѣмъ гоненіе было всеобщимъ и явнымъ; убійства и казни совершались вблизи и почти въ глазахъ самаго кесаря, и потому отвѣтственность за всѣ безчеловѣчныя поступки съ христіанами падаетъ на его голову.

И такъ слабыя попытки и желанія нѣкоторыхъ кесарей — быть сколько-нибудь снисходительными къ христіанамъ — теперь совершенно оставлены. Траянъ былъ солдатъ; Адрианъ — артистъ, Антонинъ благ. — фермеръ; одинъ Маркъ Аврелій былъ философъ по призванію. Отличаясь большею чистотою жизни нежели первые два поименованные кесари, будучи столько же честнымъ, сколько третій изъ нихъ, — Маркъ

*) Подробности о мученической кончинѣ св. Поликарпа см. Act. s. Polycarp; чет. мин. 23 февр. пам. др. хр. письмен. т. II.

Въ началѣ царствованія Марка Аврелія пострадали: Данилъ діаконъ въ Падуѣ. Отрокъ Потитъ въ Сардиніи; Тразей епископъ Евменійскій въ Малой Азіи (Евс. церк. истор. IV, 14—24). Сагарисъ — епископъ Лаодикійскій во Фрагіи (Евс. церк. истор. IV, 26—V, 24). Карпъ; Пополусъ; Агаоникъ въ Пергамѣ въ Малой Азіи (Евс. IV, 24).

Аврелій не имѣлъ душевной прямоты и твердой воли; будучи философомъ, онъ преклонялся предъ нелѣпостями язычества; будучи чистымъ по жизни, онъ питалъ боязливое благоговѣніе предъ мерзостями языческихъ обрядовъ; будучи римляниномъ по происхожденію и грекомъ по образованію, онъ самъ былъ преданъ и другимъ позволялъ предаваться всѣмъ постыднымъ ученіямъ и обрядамъ востока. Маркъ-Аврелій былъ врагъ пролитія крови, иногда даже до слабости, но онъ лишилъ имперію множества лучшихъ людей; ставъ, по своему обществу положенію, противникомъ Нерона и Домиціана, кесарь—философъ, въ отношеніи къ церкви, пошелъ путемъ этихъ двухъ первыхъ ея враговъ; ошибка—непростительная въ кесарь—философъ....

Сост. П. Л.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Православныя церкви и школы въ Гродненской губерніи — Пожертвованіе на нихъ. —
Училище св. Ольги. Письмо изъ Мозыря.

Въ № 12-мъ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» были сообщены положенія Гродненскаго особаго присутствія по обезпеченію православнаго духовенства. Между тѣмъ, «Гродненскія Губернскія Вѣдомости» заявляютъ, что въ этой губерніи начаты слѣдующія работы по возведенію и исправленію православныхъ церквей. Исправляется Софійскій соборъ въ Гроднѣ; приспособляется упраздненный Кармелитскій монастырь въ Бѣльскѣ для обращенія въ православную церковь. Возводятся новые храмы въ Пружанахъ и въ Кобринѣ. Въ послѣднемъ изъ названныхъ городовъ мѣстные жители пожелали составить сборъ на этотъ предметъ; въ прочихъ мѣстностяхъ работы производятъ изъ суммъ, составившихся изъ контрибуцій. А въ другомъ мѣстѣ тѣже Вѣдомости пишутъ, что грамотность между крестьянами этой губерніи быстро распространяется, — всего въ настоящее время въ ней 151 народная школа, изъ коихъ 89 открыто послѣ 1-го января 1863 года. Въ школахъ этихъ обучается кругомъ по 36 учениковъ, число весьма большое въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, когда въ рѣдкой школѣ было болѣе 5—7 учениковъ. Такой успѣхъ народнаго образованія «Вѣдомости» приписываютъ преимущественно мировымъ посредникамъ и сельскому духовенству.

До какой степени православные жители Западнаго края, находятся въ возведеніи и мѣстами въ исправленіи церкви, можно заключать по слѣдующему заявленію «Сѣверной Почты» о Суражской церкви:

«Гродненской губерніи, Бѣлостокскаго уѣзда, въ заштатномъ городѣ Суражѣ, получившемъ столь печальную извѣстность во время кровавыхъ смуть прошедшаго года, находится ветхая, деревянная церковь, имѣющая видъ однооконной избы, крытой соломой; отъ гнилости стѣнныхъ вѣнцовъ, она пошатнулась на-бокъ и ея крошечный куполь, на подобіе фонаря, увѣчанъ сломаннымъ крестомъ. Для призыва къ молитвѣ она имѣетъ всего одинъ небольшой колоколь. Внутренность храма соотвѣтствуетъ его наружному убожеству: потолокъ и полъ сгнили отъ сырости; утварь неполная, попорченная; богослужебныхъ книгъ почти вовсе нѣтъ, и единственная святыня, къ которой съ молитвою прибѣгаютъ прихожане, древняя икона Спасителя — наслѣдіе благочестивыхъ предковъ, полиняла отъ времени. Между тѣмъ къ Суражской православной церкви причислено 317 душъ обоюга пола прихожанъ, мѣщанъ, бѣдныхъ ремесленниковъ и крестьянъ, оставшихся вѣрными православію не смотря на притѣсненія и заманки со стороны католиковъ, живущихъ сплошными массами въ Суражѣ и его окрестностяхъ и имѣющихъ въ этой мѣстности до 9 костеловъ, вполне благоустроенныхъ и поражающихъ глазъ при сравненіи съ печальнымъ положеніемъ единственной въ околоткѣ православной церкви».

Слава Богу, и для этой убогой церкви нашелся благотворитель, Д. Ст. Сов. В. Н. К., вступившій въ братство ея, собравшій уже довольно денегъ и надѣющийся приступить къ возведенію новой каменной церкви. Да, слава Богу,

благотворительность въ пользу церквей и школъ продолжаетъ проявляться на св. Руси. «Сѣверная Почта» въ № 130 сообщаетъ, что благотворительность идетъ и отъ крестьянъ. Такъ «крестьяне Тульской губ. Ефремовскаго уѣзда, волостей: Замарайской, Шиповской, Лобановской, Яндовской, Ступинской и Ушаковской, пожертвовали на вспомошествованіе православнымъ церквамъ въ Западномъ краѣ 267 р. 30 к.; крестьяне же Остропятской волости приняли на себя обязательство на поддержаніе православныхъ храмовъ и русскихъ школъ въ Западныхъ губерніяхъ вносить по 40 р. въ теченіе трехъ лѣтъ, производя эти взносы въ декабрѣ каждаго года». А въ № 131 таже «Сѣверная Почта» добавляетъ, что «на устройство православныхъ храмовъ и поселянскихъ школъ въ Западныхъ губерніяхъ пожертвовано крестьянами Пензенскаго уѣзда волостей: Борисовской 41 р. 55 коп., Валяевской 45 р., Дурасовской 50 р. и села Бекетовки 13 р., а всего 149 р. 55 к.»

Въ примѣръ благотворительности для грамотности можно указать на открытіе бесплатнаго женскаго училища св. Ольги въ Мозырѣ (Минской губ.) Это училище открыто 30-го апрѣля. Цѣль его — доставить возможность бѣднѣйшимъ чиновникамъ и преимущественно православнаго вѣроисповѣданія, а также и православному духовенству этой мѣстности, воспитывать дочерей своихъ въ чисто-народномъ русскомъ духѣ и оградить мѣстное молодое женское поколѣніе отъ ополячиванія въ существующихъ еще и понынѣ польскихъ пансіонахъ.

«Въ день открытія училища, по приглашенію военнаго начальника Мозырскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ, командира 123 пѣхотнаго Козловскаго полка Н. Г. Чекмарева, собралось въ домѣ, нанятомъ для женскаго училища св. Ольги,

значительное число мѣстныхъ жителей и офицеровъ квартирующаго въ Мозырѣ полка, въ присутствіи которыхъ отслужено было соборнѣе молебствіе. По окончаніи молебствія, мѣстнымъ протоіереемъ Георгіемъ Тарнопольскимъ сказано слово, указывавшее на цѣль открытія училища и на важное значеніе, въ настоящее время, образованныхъ женщинъ. Присутствовавшіе, сочувствуя цѣли открытія въ здѣшней мѣстности женскаго училища, изъявили готовность принести посылное пожертвованіе въ пользу образованія дѣвицъ; одни приняли на себя трудъ безвозмездно преподавать учебные предметы, а другіе сдѣлали пожертвованія деньгами (свыше 500 р.) и книгами. Кромѣ того, учредительницею училища предложено было присутствовавшимъ дамамъ составить дамскій комитетъ попечительства о бѣднѣйшихъ ученицахъ училища и принять ихъ на полное свое содержаніе. Предложеніе это было принято съ большою готовностію и уже нѣсколько изъ бѣднѣйшихъ дѣвочекъ содержатся на счетъ благотворительнаго дамскаго общества (Моск. Вѣд. № 124).

И дай Богъ, чтобы русская благотворительность для церквей и школъ Западнаго края не только не прекращалась, но еще развивалась болѣе и болѣе. Во 1-хъ ею поддерживается энергія русскихъ, въ томъ краю служащихъ, какъ это заявили нѣкоторые изъ нихъ въ письмѣ къ о. протоіерею В. Я. Сицилинскому, напечатанномъ въ № 123 «Московскихъ Вѣдомостей». «Призванные правительствомъ въ край, гдѣ несчастными обстоятельствами издревле существовавшее православіе и русская народность попораны были чуждыми для этого края латинствомъ и полонизмомъ, — такъ пишутъ они, — мы, русскіе, посвятившіе себя на борьбу за жизненное для нашего любезнаго отечества дѣло, съ оградю видимъ, что намъ сочувствуютъ и насъ поощря-

ють». А главное, при всѣхъ пожертвованіяхъ, уже сдѣланныхъ русскою благотворительностію, сколько еще есть мѣстностей, нуждающихся въ церквахъ и школахъ, не говоря уже о другихъ потребностяхъ! На-примѣръ, благо пришлось встать, можно указать на тотъ же Мозырь. О. Георгій Тарнопольскій, говорившій слово при открытіи тамъ училища св. Ольги, написалъ слѣдующее письмо, напечатанное въ «Душеполезномъ Читеніи». «Получивъ письмо ваше отъ 12 Марта, я отъ всей души возблагодарилъ Господа, что Онъ милосердый заботится, чрезъ избранныхъ Своихъ, и о нашей бѣдной, отдаленной и глухой мѣстности. Правда, правительство и общество русское уже обратили свое вниманіе на печальное состояніе православія въ Западномъ краѣ Россіи: такъ и должно быть: здѣсь, въ западномъ уголкѣ Россіи, православіе болѣе, быть можетъ, чѣмъ на Аѳонѣ, или Синаѣ, или въ другихъ мѣстахъ нуждается въ пособіи, и особенно потому, что только съ возвышеніемъ православія, можетъ подняться угнетенная и подавленная здѣсь русская народность. Но справедливость требуетъ сказать, что Мозырскій уѣздъ, бѣднѣйшій изъ уѣздовъ Минской губерніи и самый удаленный отъ административнаго центра, очень мало воспользовался пособіями правительства и русскаго общества. Вниманіе начальства обращено на ближайшіе къ Минску уѣзды, а у насъ, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ храмахъ съ опасностію жизни можно совершать богослуженіе, и доселѣ не приступлено къ починкѣ и постройкѣ церквей. Потому есть много побужденій съ глубокой благодарностію отозваться на письмо ваше. Но, приступая къ исполненію порученія, возлагаемаго вами на меня и не отрекаясь указать вамъ на бѣднѣйшія церкви нашего уѣзда, я почитаю моею обязанностию обратить

вниманіе благотворителей на бѣдственное положеніе нашей Мозырской соборной церкви Свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ, что нынѣшняя Мозырская соборная церковь и по вышности и по внутреннему состоянію бѣднѣе многихъ сельскихъ церквей не только въ казенныхъ имѣніяхъ, но даже и въ помѣщичьихъ. По преданію, въ г. Мозырѣ существовало нѣкогда 6 православныхъ церквей и даже 1 монастырь; но въ настоящее время, частію въ слѣдствіе враждебныхъ православію обстоятельствъ, а частію въ слѣдствіе сильныхъ пожаровъ (во время которыхъ въ 1839 г. сгорѣла и соборная церковь со всѣмъ имуществомъ ея), въ немъ существуетъ всего двѣ деревянныя, и то бѣднѣйшія, церкви. За то, по мѣрѣ упадка православія, сталъ процвѣтать католицизмъ: явилось 6 монастырей католическихъ и 1 приходскій костелъ. Этотъ костелъ и два каменныхъ, величественныхъ монастыря даже въ настоящее время состоятъ на содержаніи казны. Само собою разумѣется, что внутренность костеловъ поражаетъ всякаго и богатствомъ и изяществомъ своимъ, а въ нашей соборной церкви нѣтъ образа, предъ которымъ бы можно было молиться безъ смущенія и чувства жалости, нѣтъ ни одной благолѣпной и сколько-нибудь цѣнной вещи; самая лучшая риза у насъ та, которая подарена прикащикомъ Черниговскаго купца Щелкановцева въ 1856 г. и прибрѣтенная имъ за 25 руб. со всѣми принадлежностями. Каждый изъ костеловъ имѣетъ хорошіе колокола до 50 пудовъ, и зовъ въ костелы громко раздается повсюду, а у насъ въ самомъ большемъ колоколѣ 1 пудъ и благовѣсть къ православному богослуженію не слышенъ не только по хуторамъ, прилегающимъ къ Мозырю и составляющимъ приходъ соборной церкви, но даже и въ самомъ городѣ, особенно при его холмистомъ мѣстоположеніи. Неудивительно по этому, если нашу

вѣру называютъ *хлоскою* и даже вышедшіе изъ насъ въ писцы, не говоря о другихъ высшихъ сословіяхъ, стыдятся своей матери православной церкви и бѣгутъ въ костелы. Уроженецъ южныхъ губерній, гдѣ тоже есть поляки и костелы, я однако не видѣлъ тамъ такова униженія православія, какое встрѣтилъ здѣсь. Это, какъ камень, давило мое сердце, такъ что я неоднократно собирался бѣжать отсюда. Но, благодареніе Господу, наша просьба услышана Св. Синодомъ; отпущено 14 тысячъ рублей на перестройку, съ подряда бернардинскаго костела, закрытаго по случаю мятежа въ тридцатыхъ годахъ, въ соборную церковь, — и мы въ концѣ настоящаго года будемъ имѣть каменную трехпрестольную церковь съ приличнымъ иконостасомъ. Къ сожалѣнію, на внутреннія принадлежности церкви не отпущено никакой суммы и, какъ видно изъ указа синодальнаго, и отпущено быть не можетъ; значить, все, начиная отъ колоколовъ до кадильницы (такъ какъ изъ замѣняющей нынѣ соборъ церкви нечего заимствовать для новой, да нельзя же и ее оставить безъ колоколовъ и утвари) мы должны приобрести на собственные средства. Это рѣшительно не по силамъ нашимъ. Церковныхъ денегъ у насъ всего 550 р.; собрано по особой подпискѣ 140 руб., прислано изъ Москвы отъ неизвѣстнаго 100 р. и чрезъ редакцію «Дня» 65 руб., всего 855 руб., каковыхъ недостаточно, особенно при существующихъ въ Кіевѣ цѣнахъ, на приобретение по крайней мѣрѣ существенно необходимаго для новой церкви; на пожертванія же отъ прихожанъ, по ихъ бѣдности, нѣтъ совершенно никакой надежды. Вся надежда наша на Господа Бога и добрыхъ сыновъ православной Россіи».